ФРИДРИХ КРАУЗЕ

ПИСЬМА С ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Фридрих Оскарович Краузе
Оскар Фридрихович Краузе
Людмила А. Булгакова
Письма с Первой мировой (1914–1917)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41646811
Письма с Первой мировой (1914—1917) /Краузе Фридрих: Нестор-История; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-4469-0168-5

Аннотация

В книге опубликованы письма 1914–1917 гг. старшего врача санитарно-дезинфекционного отряда Ф. О. Краузе, служившего в русской армии на территории Галиции, Волыни и в Румынии. Письма адресованы его невесте, а потом и жене, врачу Морозовской детской больницы в Москве А. И. Доброхотовой, впоследствии ставшей чл. – корр. Академии медицинских наук и главным педиатром Министерства здравоохранения СССР. В письмах, носивших характер дневниковых записей, рассказывается о врачебной деятельности и повседневной жизни автора. В его суждениях о текущих военных и политических событиях в значительной мере отразились общественные настроения в стране и в армии. Письма

представляют большой интерес как исторический источник и подлинный документ переломной эпохи, написанный очевидцем и непосредственным участником драматических событий в истории России. Помещенные в книге выдержки из ответных писем Доброхотовой рисуют яркую картину московской жизни военных лет. Книга предназначена как для специалистов по истории войны и революции, так и для широкого круга любителей отечественной истории.

Содержание

Фридрих Краузе и его письма 7
Письма Ф. О. Краузе 36
1914 36
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Фридрих Краузе
Письма с Первой мировой (1914–1917)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Ответственный редактор Л. А. Булгакова

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук Б. И. Колоницкий,
д-р ист. наук Н. Н. Смирнов,
д-р ист. наук А. Н. Чистиков

Рецензенты:
д-р ист. наук Н. С. Андреева
и
канд. ист. наук С. В. Куликов

Составители:
О. Ф. Краузе и Л. А. Булгакова

© О. Ф. Краузе, 2016 © Л. А. Булгакова, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2017

Фридрих Краузе и его письма

«Любовь, война и революция» – так можно было бы озаглавить эту книгу. Перед нами история любви двух молодых людей, создания семьи и ее выживания в драматической обстановке крутого поворота в истории нашей страны. Письма дают нам возможность погрузиться во внутренний мир этих людей, посмотреть их глазами на события того времени и увидеть не пафосную и далеко не героическую изнанку войны. Герои этой книги – совсем не те герои, о которых слагают песни и рассказывают легенды, они просто жили и трудились в суровых обстоятельствах своего времени.

Фридрих Оскарович Краузе был человеком сугубо мирной профессии – детским врачом. Он родился в 1887 году в добропорядочной немецкой семье учителя мужского реального училища при приходе старейшей евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила в Москве. Его родители были уроженцами Курляндии, нынешней Латвии. С детства мальчик пристрастился к чтению и впитал в себя немецкие и русские культурные традиции. Дома говорили по-немецки, в гимназии – по-русски, и оба языка стали для него родными. Хотя Фридрих Оскарович не утратил духовной связи с родиной своих предков, он ощущал себя москвичом.

В 1911 году он окончил медицинский факультет Московского университета и вскоре был принят ассистентом, т. е.

стажером, в недавно построенную на средства купца В. Е. Морозова и названную его именем детскую больницу. Ныне она широко известна как Морозовская городская детская клиническая больница. В 1913 году он познакомился с пришедшей в эту больницу работать ассистентом выпускницей Московских высших женских курсов Александрой Ивановной Доброхотовой. Общие интересы сблизили молодых людей, они полюбили друг друга. В июле 1914 года влюбленные впервые отправилась вместе отдыхать на живописные острова побережья Великого княжества Финляндского, где провели две счастливейших недели своей жизни.

Началась война, и в одночасье рухнули все планы, которые они строили, путешествуя в финляндских шхерах. Фридрих был призван по мобилизации на военную службу и в первые же дни войны отправился к месту формирования 253-го запасного госпиталя, в Воронеж. Ни на один день не забывал он об оставшейся в Москве невесте и посылал ей письма, больше походившие на дневниковые записи. В письмах он делился с ней своими мыслями и переживаниями, рассказывал о своих заботах и повседневной жизни. В определенной мере в них отразились общественные настроения военной поры.

Молодой врач с досадой и негодованием писал о неразберихе военного времени, медленном «развертывании» и «свертывании» медицинской службы, ее неудовлетворительной организации и недобросовестности некоторых коллег,

засилье канцелярщины и бумагопроизводства, отсутствии живой, нужной работы, в результате чего «мы всё просрачиваем». Это словечко, позаимствованное им из речи А. Ф. Кони, не раз приходило ему на ум.

Краузе не терпелось приступить к своим врачебным обязанностям. Временами он впадал в уныние, томился от скуки и мечтал о возвращении к любимой работе детского врача. Его интересы не ограничивались рамками медицинской профессии. Фридрих Оскарович обладал широким кругозором, не мыслил своей жизни без книг и на войне не оставил своего пристрастия к чтению. Особенно пристально он следил за газетными новостями и стремился разобраться в происходящих событиях.

В годы Первой мировой войны свыше 300 тыс. из 2 млн 400 тыс. этнических немцев русского подданства служили в армии. Двойственность национальной идентичности наложила характерный отпечаток на их восприятие войны. Как и многие другие русские немцы, Краузе переживал подлинную душевную драму. Для него «нашими» были и немцы, и русские. Он задумывался о причинах развязывания войны Германией и первоначально отказывался верить сообщениям о зверствах немцев, считал их голословными, преувеличенными, разжигающими низменные националистические страсти.

Дальнейшие события: оккупация нейтральной Бельгии, разрушение немецкими войсками Реймсского собора и со-

жжение богатейшей библиотеки Лувенского университета – повергли его в шок. Краузе пытался объяснить этот вандализм безумием отдельных начальников, ошибкой, военной необходимостью, но все эти объяснения не устраивали его самого.

В смятении Фридрих Оскарович искал и не мог найти оправдания немецким ученым и писателям, выступившим в поддержку действий военщины и восторгавшимся ее «подвигами». Он был уверен, что великая страна не могла внезапно превратиться в варварскую. В письмах Краузе размышлял о психологии немцев, о двух типах немецкого национального характера и с сожалением констатировал, что тон задает «пруссак новейшей формации», а расплачивается за это немецкий народ. Тем не менее его не покидала надежда, что возродится старая Германия, культурные ценности которой никогда не могут исчезнуть.

Краузе опасался травли русских подданных немецкой национальности, указывал невесте, как много немецких имен и фамилий в списках убитых и раненых, и не мог удержаться от слез, читая сообщение о погромах немецких магазинов в Москве. Он считал, что русским немцам нельзя поддаваться шовинистическому угару, а следует хранить «старые заветы», честно исполнять свой профессиональный долг и стремиться к скорейшему окончанию войны. «Врач обязан быть прежде всего врачом!..» – утверждал Краузе. Всю свою последующую, полную тяжелейших испытаний жизнь он оста-

вался верен этому принципу.

В начале октября 1914 года госпиталь, в котором служил Фридрих Оскарович, отправился из Воронежа в ближний тыл армии, на прежнюю западную границу Российской империи с Австро-Венгрией, в городок Волочиск, примерно в 175 км к востоку от Львова. Затем недолгое время в ожидании нового назначения Краузе служил врачом в дружине государственного ополчения в Житомире, куда его перевели из-за обострившегося миокардита – осложнения после дифтерии, которую он перенес в Морозовской больнице, заразившись от маленьких пациентов.

В самом конце апреля 1915 года Краузе был назначен старшим врачом 22-го летучего санитарно-дезинфекционного отряда, который еще только формировался. В июне он вместе со своим отрядом отправился в распоряжение 8-й («Брусиловской») армии, входившей в состав Юго-Западного фронта.

По ходу войны его отряд часто передислоцировался в Галиции, на Волыни и в Румынии.

Будничная служба санитарного врача выглядит рутинной и совсем не героической, но она была чрезвычайно важна и необходима. Во время войн смертность в войсках от болезней и эпидемий нередко многократно превышала потери, понесенные в боях. С развитием медицины пришло понимание значимости санитарных мероприятий в армии. Задача военно-санитарной службы заключалась в обеспечении

санитарно-эпидемического благополучия войск, предотвращении эпидемий и их прекращении, если они все-таки возникали. Санитарные врачи подвергали свою жизнь опасности заражения и переносили все тяготы походной жизни.

Работа не пугала Краузе, он был рад открывшимся перед ним перспективам и добросовестно отнесся к своим новым обязанностям. Фридрих Оскарович регулярно объезжал села и деревни в районе VIII армейского корпуса, осматривал дома, дворы и колодцы, проверял состояние лазаретов, перевязочных пунктов и околотков, выявлял очаги заразных заболеваний, определял степень снабжения населения продовольствием, занимался лечением и вакцинацией местных жителей, неуклонно проводил санитарные мероприятия и дезинфекцию местности, вел борьбу с холерой, тифом, оспой, дифтерией, цингой. Порой ему приходилось по нескольку дней проводить в разъездах, проделывая верхом по 45–55 верст, и он в шутку называл себя кентавром.

На своем посту Краузе бил тревогу, добиваясь разрешения изолировать и лечить местных жителей в госпиталях, сообщая в санитарный отдел штаба армии об отчаянном положении беженцев и необходимости срочной присылки эпидемических и питательных отрядов. Скромный лекарь в чине титулярного советника, каковым Фридрих Оскарович оставался до конца своей службы в армии, не останавливался перед тем, чтобы вступить в конфликт с командирами военных частей, добиваясь от них соблюдения элементарных санитар-

но-гигиенических требований: мыть солдат в банях, пропускать их вещи через дезинсектор, чистить помещения и т. д. и т. и. Краузе ощутил, что его работа приносит конкретные результаты, и начал испытывать некоторое удовлетворение.

Однако его обеспокоенность за будущее страны нарастала. Он писал невесте о коренной ломке устоев, потрясении и надломе народной психики, предвидел неотвратимые перемены и наступление «новой геологической эпохи» в жизни страны. От былых поисков хоть какого-то разумного объяснения агрессии кайзеровской Германии не осталось и следа. Краузе глубоко переживал за судьбу России. Он не чувствовал себя чужаком, но его крайне удручало изменившееся представление русских о немцах – теперь немец стал восприниматься как «безжалостный и неумолимый железный человек… человек с гипертрофией воли и рассудка и атрофией чувства». В письмах Фридрих Оскарович признавался, что хотел бы «быть в самой гуще жизни, а не на задворках ее», и с гордостью сообщал, что один из коллег назвал его «хорошим и умным русским интеллигентом в лучшем смысле этого слова».

На протяжении всей своей военной службы Краузе не переставал жаловаться на изводившую его «канцелярию». Его забрасывали приказами, циркулярами, предписаниями и требовали отчетов об их выполнении. По словам Краузе, он купался в «бумажном море», которое грозило захлестнуть его своей мутной волной. Бывало, он целыми днями корпел

над бумагами, задним числом сочиняя приказы по отряду, приводя в порядок счета и занимаясь мелочной денежной отчетностью в ущерб санитарной работе.

Чтобы справиться со всей этой «писаниной», ему приходилось обращаться за помощью то к опытной в таких делах, как он выражался, «канцелярской крысе» из санитарно-гигиенического отряда, то к старшему писарю казачьей сотни, который брался за бакшиш привести в порядок его канцелярию, то вступать в «соглашение» с делопроизводителем соседнего лазарета. Много хлопот доставляли Краузе и хозяйственные заботы. Медицина уходила на задний план, и он сетовал, что забывает азы своей профессии. Со студенческой скамьи он мечтал устроить где-нибудь в провинции собственную детскую лечебницу на кооперативных, некоммерческих началах. Он и на войне не оставлял эту идею и стремился увлечь невесту своими планами на будущее.

Весной 1916 года в жизни Фридриха Оскаровича и Александры Ивановны произошло важное событие. 29 апреля во время отпуска Краузе они обвенчались в Москве. А уже 1 мая «молодой» отправился обратно в свою часть под Ровно. После женитьбы он «до скрежета зубовного» затосковал по мирной жизни и «настоящей культурной работе». Обострилось его чувство оторванности от «твердой почвы», «от всего родного, любимого». Фридрих Оскарович жаждал мирного, созидательного труда. В письмах он то и дело жаловался жене на прозябание и переутомление не от работы, а «от

безделья нежеланного и вынужденного».

Вскоре его «безделью» был положен конец. Летом Краузе участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. Успешные действия русских войск на этом направлении побудили Румынию в августе вступить в войну на стороне Антанты в надежде на территориальные приобретения. Новый союзник только добавил проблем России. Ввиду слабости румынской армии на помощь ей пришлось оттянуть группировку русских войск с других направлений военных действий. В Румынию передислоцировался и отряд Краузе. Значительная часть Румынии была оккупирована противником. 3 декабря 1916 года был создан Румынский фронт русской армии, включивший в себя и остатки румынских войск. В декабре – январе наступление войск германской коалиции было остановлено. На фронте наступило затишье.

Писем за 1916 год сохранилось совсем немного, да и те что уцелели написаны скупо по соображениям военной цензуры. В ноябре переписка супругов надолго прервалась. Впоследствии Фридрих Оскарович намеревался написать о событиях этого времени, но его замысел остался неосуществленным. Однако даже по кратким упоминаниям Краузе понятно, как тяжело ему пришлось в разгар боевых действий в Румынии и каким «будничным ужасом» была наполнена тогда его повседневная жизнь.

16 января 1917 года в Москве у молодой семьи родилась дочь, которую нарекли Ириной, по имени греческой богини

мира. Фридриху Оскаровичу на короткое время удалось вырваться к жене, чтобы поддержать ее в этот момент. Война затягивалась, и военная служба в Румынии все больше тяготила его. Вновь и вновь

Краузе писал о своей тоске по «настоящей медицине», чувстве культурной оторванности и истрепанных нервах у него и у его товарищей по службе.

Известие о Февральской революции застало Краузе в Румынии. Он с восторгом и ликованием отнесся к революции, крестился и со слезами радости читал первые сообщения и манифесты. Его письма весны – лета 1917 года особенно интересны, в них ярко отразились стремительные перемены в стране и в армии. Фридрих Оскарович был увлечен происходившими политическими событиями, нетерпеливо ждал газетных новостей, много рассуждал о политике и теперь уже писал откровенно, без обиняков и оглядки на цензуру.

В современной историографии ведутся острые дискуссии о причинах революции 1917 года, и конца им не видно. При объяснении исторических явлений Краузе отводил почетное место «психологическим моментам». Психологический, идейный, культурный и т. п. факторы выдвигались для объяснения закономерностей общественного развития критиками экономического материализма, придававшего исключительное значение экономическому фактору.

Фридрих Оскарович не являлся приверженцем экономического материализма, ему претили жесткий экономический

детерминизм и абсолютизация значения классовой борьбы. С его точки зрения, революция была вызвана не обострением классовых противоречий, а изменением психики людей. Как врач Краузе был склонен рассуждать о войне и революции в категориях психиатрии. При этом его оценки этих проявлений «массового психоза» были прямо противоположными. Если война отбрасывала человечество в культурном отношении назад, то революция позволяла сделать «огромный шаг вперед».

По мнению Краузе, революция стала быстрой и сравнительно легкой, так как защитников старого строя уже не осталось. Разумеется, монархисты никуда не делись, но не они определяли «политическую погоду» в стране. Фридрих Оскарович был прав в том, что сознание негодности старого режима и необходимости нового устройства жизни пустило «прочные корни во всех слоях и классах населения». В этом он видел громадную разницу с 1905 годом, когда понимание необходимости государственного переустройства «не проникло дальше сравнительно тонкого слоя городской интеллигенции и еще более тонкого – сознательных рабочих».

Что касается поведения масс, то в Первую русскую революцию они только подхватывали и превозносили лозунги, но отступили, столкнувшись с серьезным противодействием старой власти, в руках которой оставался «весь правительственный аппарат и средства воздействия». За время мировой войны в общественной и народной психологии произо-

шел коренной сдвиг, что и повлекло смену существующего строя. В сущности, это мнение Краузе не противоречит известному марксистскому постулату, что идея (или теория) становится материальной силой, когда она овладевает массами. Другой вопрос, как и почему это происходит.

Крушение самодержавия многими было воспринято с воодушевлением – как великий праздник торжества свободы и справедливости. Сторонники у старой власти были, а вот защитников действительно не оказалось. В решающий момент, когда перед Николаем II встал вопрос об отречении от престола, он не нашел опоры даже среди главнокомандующих фронтами и Балтийским флотом.

Плыть против бурного течения и погибнуть под «обломками самовластья» тогда никто не решился.

Хотя поначалу Фридрих Оскарович был настроен оптимистически, в его письмах зазвучали тревожные нотки, которые быстро усиливались. Он не сомневался, что возврат к прошлому невозможен и любые попытки восстановления старой власти будут обречены на провал. Поначалу Краузе усматривал опасность слева, в прямолинейной тактике Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который действовал «в интересах партии и класса, а не в интересах всей нации».

Большой ошибкой левых партий и даже «преступлением перед отечеством» он считал проведение «голых принципов» и внесение вредного брожения в армию, лишавшую ее

сплоченности и стойкости. Демократические нововведения в войсках Краузе расценивал как несвоевременные, ослаблявшие дисциплину, дезорганизующие армию в разгар войны, что вело к анархии и полному развалу в стране.

Резкое неприятие вызывали у него и настроения тыла. «У нас создается такое впечатление, что там, в тылу сплошной праздник, сплошные демонстрации со стягами, хождения скопом и в розницу в Таврический дворец, красивые речи и призывы, – а по существу, если не игнорирование, забвение массами задач фронта, то всё же несомненное отодвигание этих задач на задний план», – писал Краузе. Его тревожила предстоящая смена кадрового состава армии и приход нового пополнения, привыкшего митинговать и самоуправствовать.

Не прошло и месяца после падения самодержавия, как Краузе написал: «Мы сидим на вулкане, но взрыв этого вулкана уж не сулит нам новых свобод…» И далее: «Боюсь, что нам суждено дождаться краха». Опасные «симптомы» он увидел в развернувшейся борьбе за власть. Однако главная причина предстоящих потрясений, на его взгляд, заключалась не в отсутствии единения общественных сил, двоевластии и даже не в действиях левых партий, «отказавшихся от слишком острой принципиальной постановки вопросов, а в стихийной некультурности масс, не подчиняющихся никаким партийным лозунгам (ведь в партии у нас организовано ничтожное меньшинство населения)». С самого начала

революции он утверждал, что расчет на самосознание и благоразумие масс неоправдан, поскольку требовал от них высокой культуры, а чего не было – того не было.

Фридрих Оскарович сознавал, что является свидетелем «гигантских исторических событий». С волнением он писал жене, что на их глазах «в муках рождается новая эпоха в истории, что на новых началах перестраивается не только жизнь отдельных народов, но и взаимоотношение их, весь строй мысли, мышления людей». Каков бы ни был исход революции в России, ее мировое значение было для Краузе очевидным: «Это начало крушения всего умственного строя современной нам (или прошедшей уже?) культуры, вернее, цивилизации, доведенной до абсурда этой бессмысленной войной, этим гигантским преступлением, грехом против Святого Духа!»

На фронте Краузе недоставало живого общения и обмена мыслями с женой, с москвичами. Он не вполне доверял газетам, чувствовал фальшь официальных сообщений, например, в жгучем вопросе о войне и мире. Фридрих Оскарович засыпал жену вопросами о текущих политических событиях и настроении общества.

Муж искал в ней «свободную гражданку», а находил «просто женщину» – жену и мать. «Не знаю как ты, но я не могу сейчас не чувствовать себя прежде всего гражданином, близко принимающим к сердцу судьбы своей родины», – укоризненно писал Краузе жене.

Александра Ивановна со слезами читала его письма. Она видела в них «только речи гражданина», представлявшие собой «ценный материал для архива», но не для нее. Ей казалось, что политика заслонила мужу семью. После тяжелых родов она долго не могла прийти в себя, все ее мысли вращались вокруг маленькой дочери: где найти няню и прачку, достать продукты и дрова, снять квартиру, заработать деньги и когда же, наконец, вернется домой муж? «Сколько обязанностей на мне лежит: мать, жена, врач, хозяйка, гражданка… С честью я, кажется, несу только одну, ради нее я отказываюсь от всего», – отвечала она мужу. Кормящей матери, целиком поглощенной заботами о дочери, недосуг было рассуждать о политике, она почти ни с кем не общалась и едва успевала просматривать газеты.

Супруги словно говорили на разных языках, начались взаимные упреки, обиды и обвинения в непонимании. Еще недавно счастливый брак стал давать трещину. Уступая настояниям мужа, Александра Ивановна вскользь упоминала о политике. Для нее настоящая свобода и демократия не имели ценности, когда люди находились «под наркозом войны». В политическом отношении она симпатизировала социал-демократам за их приверженность миру и защите интересов рабочего класса, хотя ее высказывания о политике часто зависели от настроения.

Муж подтрунивал над ее симпатиями меньшевикам, называл «ортодоксальной марксисткой» и шутливо заявлял:

«Мы с тобой политические противники, Шурочка!..» Его политические взгляды можно охарактеризовать как умеренно-либеральные с народническим оттенком, но за время войны он заметно «полевел». Фридриха Оскаровича раздражали доктринерские речи и «империалистические стремления» кадетов, он присматривался к левым партиям и порой даже находил, что они, «по-видимому, достаточно благоразумны и сдерживают массы».

Оба «политических противника» возлагали надежды на А. Ф. Керенского, считали его истинным героем революции, который «не живет, а горит». Фридрих Оскарович восхищался его удивительной энергией, горячим сердцем и трезвым умом, называл «нашим пламенно-холодным Дантоном», По убеждению Краузе, именно «ему удалось соединить несоединимое: буржуазное правительство с пролетариатом» и тем самым спасти Россию от анархии в первые дни революции. Быть может, полагал Фридрих Оскарович, «ему удастся спасти ее еще раз».

Самым животрепещущим вопросом для разъединенной молодой семьи был вопрос о мире. Краузе казалось, что революция и подъем демократического движения создали основу для мирных переговоров. Не умаляя значения экономических трудностей, он вновь подчеркивал роль «психологических моментов» и выводил на первое место изменения, произошедшие в психике людей. «Тяжелое экономическое положение не помешало Германии с полным напряжением

воевать до сегодняшнего дня. Сильная воля всё превозмогает. У нас же теперь нет психологических оснований для напряжения всей своей воли. Не будет этих оснований вскоре и у Германии, если ей не придется больше бояться за свое существование как великой державы», – рассуждал Краузе.

Сколько бы ни призывали политики к продолжению войны до победы, – приходил он к заключению, – «решают, в конце концов, вопрос все-таки массы, совокупная воля всего народа». Война стала катализатором революции, а революция обрекала Россию на поражение в этой войне. Наивно было предполагать, что, ощутив свою силу и свободу, уставшие от затянувшейся войны «массы» будут продолжать сражаться и умирать неизвестно за что. Требование мира возобладало над призывами к войне до победного конца. Революция дала народу надежду на возвращение к мирной жизни и ее переустройство на справедливых началах, а Временное правительство, связанное союзническими обязательствами, эту надежду не оправдывало.

С первых дней революции Фридрих Оскарович поставил относительно войны «совсем скверный прогноз». Ее продолжение, в то время как армия теряла боеспособность, «массы» выходили из-под контроля, обострялись национальные противоречия, особенно на Украине и в Прибалтийском крае, было чревато новым социальным взрывом. Краузе был убежден, что, не будь войны и угрозы разгрома извне, «правительство и рабочий класс столковались бы». Он отчетли-

во сознавал, что «нам сейчас до зарезу необходим мир», но мысль о сепаратном мире тогда еще не приходила ему в голову.

Без союзников Россия в том состоянии, в каком она находилась весной 1917 года, вышла бы из войны с утратой территорий, что создавало угрозу для новой власти и при любом раскладе ослабило бы страну. Между тем вскоре после отречения Николая II в предвкушении близкой победы в войну на стороне Антанты вступили США. Союзникам нужна была победоносная война, России нужен был немедленный мир. Ситуация зашла в тупик, и благоприятного для России выхода из этого тупика не предвиделось. Временное правительство сделало ставку на продолжение войны.

Летом 1917 года возобновились активные военные действия на фронте. Как и предрекал Фридрих Оскарович, июньское наступление русской армии закончилось провалом. Временное правительство пыталось списать военное поражение на большевиков, развернувших агитацию против войны. «Теперь во всем виноваты большевики, а разве они имели бы успех, если бы почва была не так удобна?» – резонно замечала Александра Ивановна вскоре после июльского кризиса и кровопролитных событий в Петрограде. Обвинения большевиков и лично В.И. Ленина в государственной измене оба супруга отвергали.

Хотя неудачи преследовали русскую армию, у Краузе еще теплилась надежда на заключение мира вместе с союзника-

ми. «Нам необходимо с грехом пополам дойти до худого мира, но это возможно только совместно со всеми воюющими. Надо как-нибудь дотянуть и стараться дотянуть получше», – писал он. Армия разваливалась, в тылу бесчинствовали «взбунтовавшиеся рабы», в экономике царила разруха, а власть демонстрировала свое бессилие. Никаких шансов «дотянуть получше» уже не осталось, впереди страну ожидал только «похабный мир».

Еще в мае – июне 1917 года в ответ на жалобы жены на растущую дороговизну и нехватку продуктов в Москве Фридрих Оскарович сообщал, что в полках тоже голодают: были сокращены рационы, люди питались затхлым хлебом, иногда протухшей солониной и полусгнившей рыбой. Ужасающими темпами распространялась цинга. А ведь всего полтора года тому назад, празднуя Рождество с товарищами «на позициях», Краузе лакомился фазанами и мороженым из шампанского. В июле – августе в Румынии солдат спасал подножный корм, главным образом овощи. Цинга в войсках пошла на убыль и, наконец, прекратилась, но появилась желтуха.

Моральный дух солдат падал. Однако в сокрушительном поражении на фронте Фридрих Оскарович винил не армию, а тыл с его забвением общих государственных нужд, торжеством мелкого личного эгоизма, погоней за наживой и развлечениями. Такого же мнения была и Александра Ивановна, но в отличие от мужа, осуждавшего «психологию тыла» и поведение уклонявшихся от военной службы коллег, она

резко отзывалась об учинившем «вакханалию» народе и отсутствии у него даже проблеска сознательности.

Фридрих Оскарович стоял на своем: по большому счету проблема заключалась в недостатке культуры, и в этом не было вины народа – «некультурный народ в два-три месяца не может сделаться культурным». Поэтому «эксцессы, анархия и всякие нелепости неизбежны». Для их прекращения нужна упорная просветительская и организационная работа «культурных слоев населения». Он не осуждал солдат и писал: «Их грехи – это наши общероссийские грехи: темнота, привычка делать всё из-под палки. Они в этом отношении далеко не худшие. И были бы они еще лучше, если бы ваш ужасный тыл не развращал их так систематически».

Поразительно, что, пройдя через мясорубку войны и многое пережив, Фридрих Оскарович стал истинным патриотом России. Его вера в величие России, в гениальность и здравый смысл русского народа удивляла его русскую жену. Всячески стараясь ее подбодрить, Краузе писал: «Верю же я в то, что народ столь высокоодаренный, создавший великую национальную литературу, искусство и музыку, не может погибнуть зря, должен, в конце концов, найти в себе силу созидательную, творческую, организующую, должен найти в себе и талант государственного строительства. Ведь у нас нет навыков, кроме подпольных, узкофракционных. Мудрено ли, что нам приходится сто раз ошибаться, прежде чем найти правильный путь, до всего доходить горьким опытом?..»

Он стремился вселить в жену уверенность, что настанут лучшие времена, надо только «перетерпеть, перестрадать», «Разве можно было бы жить и работать в теперешней России, не веря в ее будущее?» – задавался вопросом Краузе. Но даже его порой одолевали сомнения. В сентябре он написал жене: «А Россия уже не на краю гибели, а в самой пропасти, израненная, обессиленная, окончательно измученная. Выберется ли она когда-нибудь из этой пропасти, залечит ли свои раны?» Александра Ивановна уже ни во что не верила, проклинала войну и твердила: «Мир, какой угодно ценою, только бы мир».

Война была проиграна. Краузе чувствовал себя опустошенным, «никому не нужным паразитом», терзался от собственной беспомощности, тоже проклинал «мировую бойню», которая душит и губит их, и с горькой иронией отзывался об этом «героическом» времени, каким оно может представиться потомкам. В сентябре в его письмах впервые появилось упоминание о грядущей гражданской войне: «Кажется, мы достигли апогея личного и общественного несчастия. Дальше ехать некуда. Что может нас ожидать еще худшее? Позорный мир?

Но для нас сейчас и позорный мир явится ни с чем не сравнимым благом, надо же в этом сознаться. Гражданская война? Она покончит с неопределенностью, и восторжествует какая-нибудь одна сторона. Это хоть шаг к выздоровлению».

Задумываясь о будущем, он писал: «Какие мы будем после войны? Что от нас, от прежних, останется? Разрушенная вконец нервная система… Озлобленность по отношению ко всем более счастливым, спокойным, равнодушным… Затаенное чувство обиды и горечи на всю жизнь… Неужели такие настроения будут доминировать? Страшно даже подумать. Хочется отогнать эти чувства. Но ведь они ползут, надвигаются… Вот где источник большевизма… Горе нам!»

При мысли о будущем Александра Ивановна испытывала страх и ужас. Она умоляла мужа приехать, иначе у нее «не хватит сил бороться за эту проклятую жизнь». В октябре 1917 года Фридрих Оскарович вернулся в голодающую и замерзающую Москву. Его предчувствие гражданской войны оправдалось. В следующем году его вновь мобилизовали, на этот раз в Красную армию, где он самоотверженно работал в госпиталях, боролся с «испанкой» – особо тяжелой формой гриппа, эпидемиями сыпного и возвратного тифа.

Вместе с Александрой Ивановной он налаживал работу первой в Уфе детской больницы. После демобилизации в 1921 году Краузе целиком посвятил себя любимому делу – педиатрии, занимался организацией Лосиноостровского санаторного отделения Дома охраны младенца, который в следующем году стал называться Государственным научным институтом охраны материнства и младенчества.

Счастливого конца у этой семейной истории не получилось. Еще в июле 1917 года Краузе заметил жене: «Какие мы

по существу разные с тобою люди! А, между прочим, оба хорошие…» Супруги постепенно отдалялись друг от друга, и в 1929 году брак завершился официальным разводом. Их дальнейшая судьба сложилась по-разному. К этому времени Фридрих Оскарович уже соединил свою жизнь с Верой Федоровной Берсеневой, человеком высокой культуры и душевных качеств. Они зажили втроем вместе с ее шестилетним сыном от предыдущего брака Руфом. В том же 1929 году у них родилась дочь Елена.

В 1931 году семья перебралась в Магнитогорск, где ударными темпами возводился грандиозный металлургический комбинат. С присущей ему кипучей энергией Фридрих Оскарович взялся за организацию детского здравоохранения в новом уральском городе. Вера Федоровна заведовала библиографическим отделом научно-технической библиотеки Магнитогорского металлургического комбината и много внимания уделяла переводам иностранной литературы на русский язык. В 1932 году у них родился сын, названный в честь деда Оскаром. Семейный быт понемногу налаживался.

Мирное течение жизни прервала война. В марте 1942 года Фридриха Оскаровича арестовали якобы «за антисоветскую пропаганду» и приговорили к расстрелу, затем замененному десятью годами лагерей. В декабре по тому же надуманному обвинению арестовали его жену и приговорили к такому же сроку наказания. Детей приютила их тетя по материнской линии – вдова, у которой было двое своих малолетних ребя-

тишек.

В 1960-х годах оба супруга были полностью реабилитированы. Вера Федоровна не дожила до этого времени, она умерла в лагере в 1950 году, что стало для

Фридриха Оскаровича большим ударом. Сам Фридрих Оскарович освободился из заключения в 1952 году и поселился в селе Тарноге в отдаленном лесном краю Вологодской области, где работал районным педиатром. После выхода на пенсию в 1956 году Краузе перебрался в старинный город Волхов на Орловщине. Там он растил сад, разбирал семейный архив и писал воспоминания до самой своей смерти в 1973 году.

Александра Ивановна, с молодости тяготевшая к научным исследованиям и находившая для них время даже в самые трудные годы своей жизни, пошла по этой стезе. Эта незаурядная, стойкая и скромная женщина посвятила себя науке, стала видным ученым, членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР, профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР. В 1945–1952 годах она занимала высокую должность главного педиатра Министерства здравоохранения СССР. Когда Фридрих Оскарович и Вера Федоровна были репрессированы, она помогала их детям, спасая ребят от голода и всегда бережно хранила письма бывшего мужа. Ныне здравствующие дети Фридриха Краузе, Елена и Оскар, сохранили благодарную память о «тете Саше».

Рядом с Александрой Ивановной до последних дней оста-

валась ее дочь Ирина, выпускница Института иностранных языков и 2-го Московского медицинского института, начало которому положил медицинский факультет Московских высшихженских курсов. Будучи очень разносторонним человеком с независимым характером, она испробовала свои силы на разных поприщах, но в итоге взяла на себя заботу о матери и предпочла остаться, как теперь сказали бы, фрилансером, «свободным художником».

После смерти матери в 1958 году Ирина озаботилась перепечаткой выдержек из писем отца 1914 года. Она ушла из жизни в 1993 году, и тогда письма попали к младшим детям Фридриха Оскаровича. Его сын, продолжатель семейной традиции, педиатр, заслуженный врач Российской Федерации, почетный гражданин города Череповца Оскар Фридрихович Краузе заинтересовался отцовскими письмами и проделал большую работу для подготовки книги, первоначально предназначавшейся для семейного чтения.

Несомненно, письма Фридриха Оскаровича Краузе являются редким и по-своему уникальным историческим источником, представляющим интерес не только для его потомков, но также для историков и широкой читательской аудитории. Перед нами ценный «человеческий документ», принадлежащий перу наблюдательного и вдумчивого очевидца и непосредственного участника событий переломной эпохи в жизни нашей страны. Письма Фридриха Оскаровича дополнены выдержками из ответных писем Александры Иванов-

ны, которые рисуют яркую картину московской жизни военной поры.

Фридрих Оскарович не просто фиксировал текущие события в своих «письмах-дневниках», как он сам их называл. Он стремился беспристрастно осмыслить происходящее и временами приходил в отчаяние: «Нет, положительно нельзя окончательно выяснить истину в этой кошмарной войне. Только история, быть может, выяснит ее». Тем не менее он не сдавался и писал, что всю жизнь будет изучать эту войну по документам и материалам, ведь это и его личное дело. Настанет время, предполагал он, когда они с Шурочкой перечитают все свои письма и с высоты «птичьего полета» посмотрят на прошедшее – на то, что им довелось пережить, что их волновало и мучило.

На память о войне он собирал немудреные «артефакты»: осколки снарядов, обойму патронов, львовскую крону, коечто из оружия и амуниции, и мечтал завести «шкаф редкостей» для своих военных трофеев. Он настойчиво просил Александру Ивановну сохранять номера газет с важными сообщениями «и всё, что имеет хоть некоторый исторический интерес» и может пригодиться для будущих исследований и справок.

У Фридриха Оскаровича был пытливый ум и жилка гуманитария. Он был завзятым книгочеем, всерьез интересовался историей, выписывал исторические журналы и понимал, что живет в особую историческую эпоху. Среди множества

книг, которые он читал, было немало книг по истории. В одном из своих последних писем с войны он заметил: «Если бы не книги, было бы совсем плохо…» Сам того не ведая, он написал свою книгу, это правдивое и бесхитростное повествование о себе, своей любви и своем времени.

Почерку Фридриха Оскаровича был четкий, разборчивый, чего не скажешь о почерке Александры Ивановны. Писал он чернилами на обычной почтовой бумаге небольшого формата, только несколько писем написаны карандашом. Когда запас почтовой бумаги подходил к концу, он дописывал письмо на половинке или четвертушке листа, иногда делал аккуратные приписки убористым почерком на полях либо между строк письма. У него было легкое перо, в черновиках он не нуждался и лишь изредка вносил мелкие исправления, перечитывая свои письма перед отправкой.

Письма шли несколько дней, порой запаздывали. В случае срочной необходимости молодые люди обменивались телеграммами (поздравительными, о приезде, перемещении, состоянии здоровья и пр.). Бывало, что телеграммы личного характера не принимались, и сообщение с полевой почтой прерывалось. Тогда Фридрих Оскарович продолжал писать в том же письме под следующей датой и отправлял написанное одним письмом, как только связь возобновлялась. Число таких писем с продолжением доходило до 4–5 в одном. В книгу вошли 497 сохранившихся писем. На некоторых из них военная цензура оставила свой след, вымарывая даже

буквенные обозначения мест их отправления.

Еще в октябре 1914 года Фридрих Оскарович и Александра Ивановна договорились нумеровать свои письма. Однако нумерация то и дело сбивалась, прерывалась и возобновлялась заново. Письма, отправленные с оказией, Фридрих Оскарович не нумеровал. Авторская нумерация писем сохранена в публикации и дает представление о понесенных значительных утратах в переписке. Сами письма за редким исключением хорошей сохранности, конверты до наших дней не дошли.

Письма публикуются с некоторыми сокращениями сведений о родных и общих знакомых, рассуждений о погоде и состоянии здоровья, маловажных подробностей и повторов, которые отмечены отточиями в угловых скобках. Пропущенные в письмах слова и окончания добавлены в квадратных скобках. Для удобства чтения длинные сложные предложения разделены на части, введены дополнительные абзацы. Археографические примечания помечены звездочкой и помещены непосредственно под письмами. Даты в письмах и примечаниях указаны по старому стилю. В именной указатель включены часто повторяющиеся в сокращенном виде имена и отчества.

Работа по подготовке писем к печати и написанию примечаний выполнена О. Ф. Краузе и Л. А. Булгаковой. Фотографии взяты из семейного архива Краузе и по большей части сделаны самим Фридрихом Оскаровичем, который написал

к ним соответствующие пояснения. Названия населенных мест, не раскрытые в письмах, расшифрованы О. Ф. Краузе. Выписки из писем Александры Ивановны сделаны Е. Ф. Краузе, младшей дочерью Фридриха Оскаровича, у которой хранятся эти письма. Публикация писем А. И. Доброхотовой в настоящее время не представляется возможной в связи с тем, что доступ к ним закрыт по решению Е. Ф. Краузе.

Выражаю искреннюю благодарность членам редколлегии, историкам высокой квалификации: Б. И. Колоницкому, Н. Н. Смирнову и А. Н. Чистикову, взыскательным рецензентам: Н. С. Андреевой и С. В. Куликову, а также коллегам, высказавшим ценные предложения и замечания в ходе подготовки этой книги к печати: Л. Ю. Гусману, П. Г. Рогозному, Н. В. Родину и научным сотрудникам Санкт-Петербургского института истории РАН И. В. Лукоянову, В. И. Мусаеву и М. М. Сафонову, ознакомившимся с рукописью книги и принявшим участие в ее обсуждении. Память семьи становится нашим общим достоянием.

Людмила Булгакова

Письма Ф. О. Краузе

1914

Летом 1914 года Фридрих Краузе и Александра Доброхотова провели на Аландских и близлежащих островах две недели своего первого совместного отпуска. Счастливые, беззаботные дни на острове Нагу на всю жизнь запечатлелись в их памяти как «волшебная сказка». 14 июля они прибыли из Гельсингфорса в Петербург, где их пути разошлись. Фридрих поехал в Ригу навестить своих родных, а Александра – на свою родину, в село Вичугу Костромской губернии. Там их застигла война. 18 июля в России была объявлена всеобщая мобилизация, и Фридрих был призван из запаса на военную службу. Молодые люди вновь встретились в Москве, чтобы расстаться. Война разлучила их. С глубокой печалью Шура проводила Фридриха в Воронеж, где формировался 253-й запасный госпиталь, в котором ему предстояло занять место ординатора. Началась интенсивная, практически ежедневная переписка влюбленных.

Воронеж, 25-го июля 1914 г.

Милая Шурочка!

Вот прошел первый день без тебя, и я начинаю свои пись-

ма-дневники. Когда поезд тронулся, и я остался один, было очень грустно, и я долго сидел в коридоре на скамье и не начинал ни с кем разговора, и только к 12-ти часам ночи был втянут в политический разговор, однако малоинтересный. В 2 часа ночи мы были в Рязани, где освободилось купе, тотчас же занятое мною и тремя прапорщиками запаса. Я лег на верхнюю полку, потушил электричество и прекрасно спал до половины 9-го утра, а провалялся наверху до 12-ти, – было очень удобно. В 4 часа подъехали к Воронежу. Всё поля да поля, в большинстве убранные, местами красивый лиственный лес, который опять на меня вначале производит впечатление.

На станции Грязи вижу на платформе гуляющего Никифора Николаевича[1]в смешной военной форме. Он зашел ко мне. Оказалось, что он тоже не видел меня раньше и не знал, что мы в одном с ним поезде. Значит, наше прощанье им не подмечено и не послужит предметом для шуток!

Хотели мы с ним в Воронеже действовать сообща, но в ужасной давке на станции я его не мог разыскать. Пообедал без него и решил затем для начала обратиться к коменданту станции. Должно быть, со стороны смешно было видеть, как я держался перед военным начальством. Как бы то ни было, он мне указал, что мне следует обратиться к воинскому на-

[1] Н. Н. Блажко вместе с Фридрихом Оскаровичем (далее Фр. Оск.) работал врачом – ассистентом в Детской больнице им. В. Е. Морозова, которую обычно называли «Морозовской».

чальнику за дальнейшими указаниями, его-де хата с краю.

Отдал вещи на хранение и поехал на извозчике к воинскому начальнику. Трясся по отчаянной мостовой на отчаянной пролетке. Погода хорошая. Правая рука работает беспрестанно – отдаю честь и отвечаю на приветствия. Понемногу привыкаю, только с генералами не знаю, как держаться. Приехал к воинскому. Много солдат, все козыряют, я милостиво отвечаю. Насилу разобрал, кто из числа военных, находящихся в кабинете, начальник, и кто писарь. Оказался добродушный старичок полковник, покровительственно объяснивший мне, что следует через весь город по Дворянской улице, через мост в Троицкой слободе отыскать дом Гаусмана и там узнать дальнейшее.

Опять трясусь на извозчике, козыряю направо и налево, понимаю весьма мало, что со мной дальше будет. Подъезжаю, наконец, к дому Гаусмана, Всюду солдатики, под козырек докладывают, что тут-де будет госпиталь, но что его нет, а старший врач находится в белом доме еще немного дальше. Еду дальше. В белом доме оказываются в большом количестве такие же умники, как и я, что меня искренне утешает. Встречаю однокурсника, прибывшего два дня назад, другого госпиталя. Он начинает мне всё объяснять, диктует мне рапорт, который я тут же передаю в контору. Говорит, что, может быть, старшего врача [госпиталя] № 253 еще и нет, а если так, то мне самому придется оборудовать госпиталь и заботиться о людях, лошадях, сестрах и т. д., и т. д. Одним

словом, напугал как следует.

Показал мне список домов, в которых следует расквартировать весь состав госпиталя. Говорит о каком-то сене, которое, быть может, мне придется достать сегодня же, о 4-х томах каких-то уставов, в которых всё объяснено, и в которых мало что можно понять; о 16.000 рублях, которые мне выдадут, если никто еще не приехал, а я первый! Когда я ему говорю, что ведь я не имею ни малейшего представления обо всем этом, то отвечает, что сам три дня назад ничего не понимал, а сейчас производит всю эту работу. Зато он будет назначен старшим ординатором, а это означает двойной против младшего ординатора оклад.

Случайно мы узнали адрес некоего доктора Левитского[2], также числящегося за 253-м госпиталем. Советует поехать к нему, может быть, это мой старший врач, и он уже начал оборудование госпиталя. Опять на извозчике трясусь по всему городу, козыряю направо и налево. Левитского не застаю дома, оставляю записку, что завтра зайду. Решил пока устроиться в гостинице «Франция» – все номера заняты, «Коммерческая» – все заняты, «Гранд-отель» – имеется один номер для двоих – 2 р. 75 к. Я его беру, посылаю за вещами, жду.

Неприглядный номер. Перегородка одна – передняя вроде чулана, перегородка вторая – спальня, тоже вроде чула-

[2] Рафаил Михайлович Левитский прежде служил участковым врачом на станции Обловка Рязанско-Уральской ж. д. в Тамбовской губернии.

на. Салон с зеленоватыми темными обоями с обилием золота. Одним словом, обычная неуютная номерная обстановка с кислым запахом, столь непохожая на то, что мы видели в Финляндии!

Получаю вещи, открываю. Оказывается, что один флакон с одеколоном лопнул и залил все носовые платки. Немного попало и на карандаши и почтовую бумагу с конвертами. Может быть, ты даже услышишь запах. В общем, удачно – ничего не попорчено.

Заказал самовар, тусклый, снаружи грязный (Гранд-отель!). Пью чай с твоими бутербродами и с шоколадом. Товарищ звал на вечер в общественное собрание, но мне что-то совсем неохота, устал и хочется поболтать со своей Шурочкой. Верно, Шурочка, я пишу чересчур уж подробно? Но ведь тебе от этого не кажется скучней?

Шурочка, милая Шурочка, вот видишь, я целый час интенсивно был с тобой, и ты это чувствуешь, и если будешь читать мое письмо, то у тебя будет тоже полное со мной общение. Вот видишь, мы вовсе не так уж разъединены с тобой! Пиши мне, Шурочка, в Воронеж просто – запасный полевой № 253 госпиталь, не приданный войскам, ординатору такому-то.

Сейчас, в 10 часов, лягу спать, устал сильно. В дороге сегодня написал открытку матери[3]. С тех пор, как попал в Во-

[3] После выхода на пенсию в 1913 г. отец автора писем Адольф Оскар Краузе вместе с женой Луизой Элизабет и детьми вернулся в Курляндскую губернию и

ронеж, на место своего назначения, сразу стал спокоен, не чувствую уже этого вибрирования всех нервов, как было все эти дни.

Прощай, моя милая Шурочка. Крепко обнимаю тебя и целую.

Твой Ежик.

Воронеж, 26-го июля 1914 г.

Милая Шурочка!

Второй день пребывания моего в Воронеже прошел значительно спокойней. Прежде всего, я весьма недурно выспался с 11-ти часов вечера до 9-ти утра. Кровать хорошая, железная, матрас мягкий, ни блох, ни клопов. Затем, побрившись и вследствие этого почувствовав себя опять человеком, пошел к товарищу по госпиталю Левитскому, но опять его дома не застал. Поговорил с его женой, сообщившей мне, что муж ее тоже ординатор, и что старший врач еще не приехал.

Пошел на сборный пункт, где застал несколько своих однокурсников, а также Алексея Афанасьевича[4] и Никифора Николаевича. Сей последний, оказавшийся приехавшим

поселился в Риге. Из семи детей в Москве остался один Фр. Оск., четвертый ребенок в семье. Его старшие братья были дипломированными инженерами: Вильгельм (Вилли) – химиком, Артур – строителем, третий брат Гуго (Hugo) не имел определенной профессии, сестры Эдит и Элен (Лени) были учительницами, самый младший, Карлуша, учился в гимназии.

[4] А. А. Морозов, из врачей-ассистентов Морозовской больницы.

первым из всего состава своего госпиталя, немедленно получил чек в казначейство на получение 16.000 рублей и должен был, замещая старшего врача, устроить госпиталь. Обычная для него невозмутимость духа и веселое настроение.

Алексей Афанасьевич тоже невозмутим как всегда. Впрочем, ему беспокоиться нечего: у него имеется и приехавший вместе с ним старший врач и коллега, мой однокурсник, о котором я тебе вчера писал, который почти уже закончил оборудование госпиталя. Ал. Аф. как младший ординатор пока совершенно не нужен. В том же положении пока нахожусь и я. Мне сообщили на сборном пункте, что 16.000 рублей выданы уже Левитскому. Так как я у него был уже два раза и не застал, а мой адрес ему оставлен, то я думаю с невозмутимым спокойствием ждать дальнейших событий.

Днем Алексей Афан. переехал ко мне. Оказалось, что в том же самом номере он провел первые сутки вместе с Финкелынтейном[5], с ним вместе сюда приехавшим. Тот теперь устроился на казенной отведенной ему квартире. Мы пока решили выждать здесь. Попадется более или менее сносная квартира, то переселимся.

Пообедали в номере недурно, но дорого – 60 коп. с персоны. Отдохнули, пошли на вокзал за газетами. Там видели проезжавшего из Ростова в Москву Антошина Ник. Ник.[6], также призванного. С вокзала вернулись и начали читать га-

---

[5] Лазарь (Лейба) Абрамович Финкелынтейн, педиатр.

[6] Николай Николаевич Антошин, врач, однокурсник Фр. Оск.

зеты, что отняло несколько часов времени. На вокзале я, кстати, купил несколько томиков «Универсальной библиотеки»[7], и это пока весь наш духовный багаж. Только теперь я вспомнил, что хотел ведь заняться изучением французского языка и забыл купить в Москве самоучитель Toussaint-Langenscheidt[8] – обидно. Может быть, здесь достану, только едва ли.

Как, Шурочка, твои успехи в области изучения немецкого? Ты переводишь? Я теперь уже с нетерпением буду ждать твоих писем. Как твое настроение? Какие у тебя мысли? По поводу войны у меня в голове за последние дни никаких новых мыслей нет. Противная все-таки газета «Русское слово»[9], гадость. Какой подлый стиль: «тевтонский отвратительный спрут»! Отдыхаешь на «Русских ведомостях»[10].

Прощай, дорогая Шурочка, до завтра! Как хорошо, что можно так ежедневно целый час посвятить только беседе с тобой!

Твой Ежик.

---

[7] Общедоступная серия книг издательства «Польза».

[8] Популярный самоучитель французского языка по методу Ш. Туссена (Туссэна) и Г. Лангеншейдта.

[9] «Русское слово» – информационная внепартийная газета, издававшаяся в Москве массовым тиражом.

[10] Из всех газет автор писем отдавал явное предпочтение «Русским ведомостям», московской «профессорской» газете умеренно-либерального направления.

Воронеж, 27-го июля 1914 г.

Ты, милая Шурочка, в Воронеже не была, но общий характер этих небольших губернских городов тебе, должно быть, хорошо известен. Для меня же, как ты знаешь, всё это ново. Город построен по типу больших сел. Посредине проходит Большая Дворянская улица, самая шикарная в городе. На ней одно или два трехэтажных здания, занятых гостиницей «Бристоль». Затем ряд двухэтажных каменных и много одно- и двухэтажных деревянных строений. В одном конце деревянная каланча Дворянской части, в другом такая же Московской части. Архитектура непритязательная, скверные булыжные мостовые, скверные извозчики и скверная допотопная грязная конка.

Поперек тянется Большая Московская улица, уже значительно менее презентабельная, а затем ряд совсем уж непрезентабельных улиц и переулков, на которых стоят лужи грязи и встречаются и куры, и поросятки. Впрочем, пасущихся свиней видел и на Дворянской улице. Если сравнить с Таммерфорсом[11], то, конечно, критики никакой не выдерживает. Вообще, здесь лучше не сравнивать – всё самобытно и красочно.

Дорогая Шурочка, прости, что я пишу тебе такие вещи, которые тебя, должно быть, совсем не интересуют, но правда, мне всё это занимательно. А ты, я думаю, ведь и хочешь знать, что меня сейчас занимает, что я думаю.

---

[11] Ныне Тампере, второй по значимости город в Финляндии.

Сегодня утром на сборном пункте я встретил, наконец, коллегу Левитского. Он мне передал целую кипу официальных бумаг и инструкций, отношений и требований. И вот я несколько часов сидел над ними и старался кое-что в них понять. В конце концов я осилил этот ворох бумаг и понял, что нам без бумаг здесь не ступить ни шагу.

Затем пришел ко мне Левитский, и мы с ним вместе вырабатывали план и образ действий на завтрашний день. Лошадь мы уже имеем. Оказывается, что нам как запасному госпиталю, перевозимому по железной дороге, больше одной рабочей лошади не полагается. Часть команды также имеется, помещения есть. С завтрашнего дня мы заставим нашего смотрителя закупить необходимую утварь и посуду, подводу, упряжь, муку, крупу и т. д. Часть этих вещей должны получить в интендантстве. Соберем ли мы завтра хоть малую часть того, что нам следует, это, конечно, другой вопрос. В общем, бестолочи и неразберихи хоть отбавляй, хотя в дневнике мобилизационном и наперед указано, в какой час каждого дня что следует приготовить и совершить. Больше всего работы смотрителю и почти никакой – младшим ординаторам. Пока нет главного врача, мы с Левитским работу будем делить пополам.

Алексею Афанасьевичу делать здесь абсолютно нечего. Пьет, ест, спит, газету читает и по вечерам письма пишет. Сегодня к вечеру к нам хотели придти Левитский и еще какой-то коллега, и вздумали мы сыграть небольшую пулечку

(т. е. в преферанс. – *Сост.)*. Не огорчайся, милая Шурочка, что таким делом буду заниматься. Ты знаешь, как либерально я смотрю на этот вопрос. Впрочем, даже идея принадлежит не мне, а Левитскому. Играть будем по маленькой, в авантюры пускаться я не стану.

Проводить вечер где-нибудь на свежем воздухе нет сил. Постоянное козырянье направо и налево утомляет и отравляет всякое удовольствие. Стремишься ограничить пребывание на улице, сколько возможно. <…> Настроение мое сейчас спокойное, но немножко боюсь, как бы нам здесь не остаться без дела на долгое время. Хотелось бы скорее ближе к границе, к свежим впечатлениям.

Дорогая моя Шурочка, когда я получу первую весточку от тебя? Знаешь, Шурочка, сегодня я начал читать последний роман Кнута Гамсуна[12] и снова всецело нахожусь под впечатлением и обаянием его стиля. Пишет он все-таки удивительно. Как он любит и чувствует природу, как он просто живет и просто воспринимает всё, что его окружает; как он сводит все людские движения мысли и чувства к простым основным линиям вековечной природы. Удивительный писатель!

Прощай, дорогая Шурочка, пиши скорей и подробней,
Твой Е.

Воронеж, 28-го июля 1914 г.

---

[12] *Гамсун К.* Последняя отрада / Пер. с норвеж. М. Благовещенской и А. Каарана. М., 1914.

Теряюсь в догадках, милая Шурочка, почему ты мне не пишешь?! Сегодня объездил все инстанции, но нигде не нашел ни единого письма на свое имя. В сборном пункте одни официальные письма, в почтамте «до востребования» ничего нет. В разборочной почтового отделения мне сказали, что все письма, адресованные на госпитали, посылаются воинскому начальнику. Заехал туда. Там мне дали кипу писем, но в ней оказались только официальные, по мобилизации, мне же – ничего! Я огорчен, Шурочка. Как бы письма-то не затерялись?! Может быть, пока лучше адресовать на Мал[ую] Дворянскую улицу, Гранд-отель, 33? Попробуй!

Знаешь, Шурочка, какой вчера сюрприз? Едва отослал письмо, как раздается громкий стук в дверь, и сейчас же входит в комнату Кутька[13], только что из Москвы приехавший, в полной форме военного врача. Оказывается, их высочайшим указом произвели в зауряд-врачи[14], и он откомандирован младшим ординатором сюда в Воронеж, в сводный госпиталь. Этот сводный госпиталь останется на всё время в Воронеже и получит, по всей вероятности, либо хроников, либо, вернее, заразных больных. Кутя этим весьма недоволен и думает на днях подать рапорт о переводе в какой-нибудь полевой госпиталь. Настроение его прекрасное. Экзамены его

[13] Кутя, Кутька – вероятно, прозвище Алексея Алексеевича Кутьина, близкого друга и коллеги Фр. Оск.

[14] Зауряд-врачи – студенты-медики старших курсов, мобилизованные на военно-медицинскую службу ввиду недостатка медицинского персонала, обычно назначались на должности младших врачей и младших ординаторов.

все-таки удручали. Сейчас он веселый и шумливый, как всегда. Устраивается он с коллегами на казенной квартире, по дешевому тарифу.

Я думаю, если нас через две недели не переведут на какие-нибудь позиции, то и нам с Ал. Аф. придется подумакивать о более дешевом устройстве. П,ены здесь в Гранд-отеле, несмотря на всю его мизерность, весьма высокие, и надолго пороха не хватит.

Наш главный врач продолжает блистать своим отсутствием также, как и наш товарищ, зауряд-врач. Вся работа на Левитском. Так как ему приходится всюду расписываться, то ему же и приходится браться за всё. Я ему довольно-таки не нужен. Принимали мы сегодня вместе казенное оружие и отправили смотрителя за покупкой кухонной посуды для устройства столовой и канцелярии. Моя роль во всем этом – больше роль зрителя. Мне совестно, но, правда, дела мне не находится. О нашей вчерашней пулечке я тебе рассказывать не стану, так как тебе это неинтересно. Скажу только, что люди хорошие, а результат был обычный, что тебя, конечно, не удивляет. <…> Сегодня опять читал Кнута Гамсуна с одинаковым восхищением.

Знаешь, Шурочка, мне вот, когда я тебе пишу, хочется сказать много нежных слов, а между тем, что-то удерживает. Боишься, как бы не получилось впечатление неискренности, фальши, боишься и не пишешь ничего. Почему это? Я сам страдаю от сухого стиля моих писем, а не могу писать иначе.

Шурочка, объясни, почему?! Почему это у других людей получается просто, а у меня нет? Неужели, Шурочка, я и правда такой уж черствый человек? Шурочка, напиши, что нет!

Ты знаешь, что я и раньше неоднократно задавал этот вопрос, но как-то когда пишешь, более ясно выступают характерные особенности, а стиль неумолим, недаром сказано «1e style c'est Thomme»![15] Значит, я таков и есть?? Шурочка, пиши мне на это, отвечай!

Милая, милая моя, хорошая, единственная моя Шурочка, одна ты у меня. Не хочется мне после этого писать что-нибудь второстепенное! Прощай, моя хорошая, обнимаю тебя мысленно крепко, крепко и целую много, много раз! И пускай это не звучит пошло или избито, пускай тебе кажется, что эти слова сказаны в первый раз!

Твой, твой, твой!

Воронеж, 29-го июля 1914

Знаешь, Шурочка, после того, как запечатал и отослал тебе вчера письмо, так как-то хорошо сделалось на душе на целый вечер оттого, что сказал то, что хотелось, не боясь показаться пошлым. Милая моя Шурочка, Господи, как хочется, чтобы ты была здесь со мной. Теперь, вспоминая о Финляндии, кажется, что это была сказка или сон, и давно, давно! Ведь кто меня так понимает, как ты? С кем мне всегда, при всяких условиях, бывает так свободно и легко, как не с

[15] Le style c'est l'homme (*франц.*) – Стиль – это человек.

тобой?! Ведь отдельные мрачные моменты остаются моментами и быстро проходят, не они определяют наши отношения! Шурочка, мне хочется тебе хоть сколько-нибудь выразить, как я тебе глубоко благодарен за всё, всё, что я от тебя получаю и как я убежден в том, что ты много, много выше меня. <…>

Милая, милая моя Шурочка! Мне хочется так всё время писать и твердить одно и то же. Милая моя Шурочка, если бы ты была только немного спокойней, немного бы больше верила в меня, тогда разгладились бы морщиночки на твоем лбу, был бы всегда ясен твой взгляд, появилось бы больше бодрости, больше веры в жизнь и в то, что она прекрасна и интересна всегда, – ив спокойствии и в буре! Ну вот, не могу без того, чтобы не морализировать, не проповедовать своих истин. А ведь это старо, тебе давно известно! Ну, прости, больше не буду! А все-таки ты у меня милая, милая, хорошая моя, славная моя, дорогая моя Шурочка!

Эх! Поцеловать бы тебя сейчас как следует! <…> Что, Шурочка, ты почувствовала сейчас, как я тебя поцеловал? А? Верно, что это письмо, в сущности, даже не письмо, а длинный поцелуй на четырех страницах? Ты его так и понимай, потому что мне очень хочется тебя расцеловать здорово и как следует! Милая моя Шурочка! Поцелуй-письмо кончается! Прощай! А все-таки я думаю, что сегодняшнее письмо из всех написанных мною тебе – самое понятное! Верно?!

Твой Е.

Воронеж, 31-го июля 1914

Милая Шурочка.

Вчера не мог тебе писать, так как перебирался из Гранд-отеля в Троицкую слободу на казенную квартиру. Целый день был занят, а вечером у нас не было никакого освещения.

Знаешь, Шурочка, я вчера наконец нашел у воинского начальника два твоих письма мне от 24-го и 25-го. Милая моя Шурочка, с каким волнением прочел я их! Бедная моя и вместе с тем какая богатая! И как просто и непринужденно, как глубоко и задушевно! Какой я бедный в сравнении с тобой! Нет, лучше не сравнивать, минус для меня слишком явный. Остается только повторять всё одно и то же. Милая, милая моя, дорогая моя Шурочка! Ух! Как хочется тебя обнять и крепко, крепко поцеловать! Господи, как же это было доступно в Финляндии и, Боже, как это было давно! Вспоминаешь, и почти что не верится!

Последние дни у нас проходят тускло, несмотря на чудесную погоду. Третьего дня безвыездно сидел в Гранд-отеле, вечером – пулька. Вчера мы с Ал. Аф. с утра начали собираться. Что-то дорого жить на свои средства! Решили перебраться в слободу, в крестьянский домик, отведенный нашему 253-му госпиталю. Я ему предложил переселиться к нам, на что он охотно согласился.

У воинского начальника я достал письма от тебя (от матери до сих пор ни слуху ни духу). В почтамте оставил заявле-

ние, куда посылать адресованные мне письма. Уплатили по счетам, наняли извозчиков и поехали опять по всей Дворянской улице и через всю Троицкую слободу до самого края света, где стоит отведенная нам избушка на курьих ножках. Комната сравнительно большая. Всякие там тюфяки, перинки и подушки мы велели убрать. Разостлали купленные в городе мягкие матрасы на полу, и вот – помещение готово.

В тот же вечер мне приходилось нижним чинам выдавать сапоги и шинели – канитель на несколько часов. Ложась спать, окружил себя кольцом арагацовой пыли[16], чтобы клопы не съедали, и в этом успел: за ночь раздавил только одного клопа. Ал. Аф. утверждает, что будто бы по моей физиономии гуляли тараканы, но я этого не помню – спал богатырским сном. Сегодня Левитский тоже купил себе арагаца, убедившись в его пользе.

В общем, несмотря на некоторые курьезы, устроились недурно. Обедать ходим на железнодорожную станцию, как раз к отходу московского поезда, чем я думаю воспользоваться, т. е. передавать письма кому-нибудь, внушающему доверие, с просьбой опустить в Москве в ящик. Меньше шансов, что затеряются. Обедает с нами и Кутька, также устроившийся в слободе.

Мы теперь узнали место нашего назначения. Это – городок Бар в Каменец-Подольской губернии, верстах в 100–150

[16] Арагац – «персидский порошок» из дикорастущих цветов, ядовитый для насекомых.

от австрийской границы. Отправят нас туда, должно быть, около 15-го числа августа. В городке, говорят, около 20-ти тысяч жителей, больше евреев. Клопов, наверно, там еще больше, чем людей. Впрочем, поживем – увидим.

Газеты мы здесь покупаем регулярно на станции. «Русские ведомости» я прочитываю от доски до доски. Сегодня там прекрасная статья Буквы[17] о личности Вильгельма II. Ведь ничего подобного по объективности в других газетах не найдешь! Или вот статья «Ради достоинства»[18] (кажется, так) в том же номере. Как далеко от крикливого патриотизма «Русского слова».

Я, когда читаю газеты или Кнута Гамсуна, всё время вспоминаю тебя. Сплошь да рядом хочется что-нибудь прочитать тебе, узнать твое мнение, рассказать тебе о своем впечатлении… Мне кажется все-таки, что мы слишком мало читали с тобой немедицинские книги. Давай, Шурочка, в будущем заполним этот пробел! Верно?

Я здесь сегодня купил два тома писем Чехова. Когда прочту, пошлю тебе, и ты будешь читать то же самое, что и я. Хорошо? Может быть, я пройдусь по полям страниц кое-где карандашом или подчеркну кое-что, и ты догадаешься о том,

---

[17] Буква, Не-Буква – псевдонимы популярного фельетониста И. М. Василевского.

[18] В статье «Ради нашего достоинства» Юр. Лигин (псевдоним Л. Н. Юровского), в частности, писал: «Мы воюем с Германским государством, стремящимся к мировому владычеству. Но мы не воюем с отдельными немцами, проживающими мирно в России».

что на меня произвело какое впечатление. И связь между нами будет еще более интенсивной!

Милая моя Шурочка, приободрись, не предавайся слишком грустным мыслям, верь в будущее. Правда, мне теперь кажется, что раньше Рождества, пожалуй, нам не вернуться. Но что значит эта временная физическая разлука, если духовная связь между нами такая полная и продолжает укрепляться! Милая моя Шурочка, приободрись! Верь, что я всегда с тобой, что бы ты ни делала! Верь, что я чувствую, что и ты всегда со мной, моя хорошая, и продолжаешь оказывать на меня всё то же облагораживающее, далекое от всего низменного влияние!

Милая моя Шурочка! Прощай!

Твой Е.

Воронеж, 2-го августа 1914 г.

Милая Шурочка.

Дни проходят за днями, а разнообразия нет никакого. Хотелось бы куда-нибудь, наконец, двинуться! Дела мне сейчас нет никакого, если не считать делом то, что я сейчас пробовал обед, приготовленный для команды. Впрочем, вру – вчера было у нас маленькое разнообразие, хотя не развлечение!

Когда мы втроем сидели за обедом на вокзале, мимо нашего стола прошел какой-то генерал. По совести говоря, честь, которую мы ему отдали, нельзя назвать особенно почтительной, но ведь мы и не знаем, как надо отдавать честь

генералам. Одним словом, он обернулся к нам с весьма недвусмысленным советом, впредь честь отдавать более прилично, «ведь корпусный врач – это большое начальство»! Тут только мы узнали, что он нам до некоторой степени «коллега»! «Если, – говорит, – вы не желаете нарваться на скверную историю, то будьте более вежливыми. Ведь другой на моем месте этого так не пропустил бы!» Затем еще вопрос: «Вы запасные?», и после утвердительного ответа безнадежный взмах рукой, – дескать, от таких и ждать нечего! После чего величественно повернулся и ушел.

Мы в это время стояли болванами перед всей публикой и временами прикладывались к козырьку. Глупо, но мне даже не обидно. Всяк учит тому, что он сам понимает и как понимает. Чего с него требовать! Ведь он думает, что он прав!

С сегодняшнего дня мы будем обедать где-то в частном доме, где Кутька отыскал возможность за 50 коп. получить три блюда, причем генералов поблизости не будет. Таким образом, инцидент исчерпан.

Я здесь вчера оболванился, т. е. был у парикмахера и остриг свои пышные кудри под машинку № 3 за 20 коп. серебром. Стало легко на голове. Красоты не прибавилось, но и не убавилось, – рожа татарская!

Вчера вечером – пулечка, итог известный! Сегодня с утра начал читать письма Чехова. Мне весьма интересно, потому что вернее, чем в произведениях литературных, обрисовывается личность писателя в его письмах. А личность Чехо-

ва, несомненно, и интересная, и привлекательная. Материала, чтобы углубиться в эти личности, в письмах много, жаль только, что не всегда знаешь, что за люди те, которым он пишет.

Закончил я «Последнюю отраду» Кнута Гамсуна. Какая печать тихой грусти и резиньяции лежит на всем романе! И вместе, несмотря на приближающуюся старость, что за вера в жизнь, в молодость, в ее силу и вдохновение! Какая вера в необходимость всего того, что творится, чтобы спокойно, хотя и с грустью, поставить над самим собой крест и сказать: «Твое время ушло, уступай дорогу новым, свежим силам!» Вот это значит уважать природу и ее законы во всех ее проявлениях, даже тогда, когда она тебя уничтожает. Люблю я его, несмотря на все странности и неровности стиля. Люблю его, потому что землей, скалами, морем и соснами веет от его рассказов. Люблю его, потому что нахожу в нем отклик своих чувств и мыслей. Люблю его, потому что и природа, которую он описывает, напоминает мне природу, ставшую и мне (и тебе?!) дорогой и милой!

Господи, да я, кажется, даже в лирику ударился! Ну, всё равно. Прощай!

Твой Ежик.

Воронеж, 4-го августа 1914 г.

Дорогая моя солдаточка!

Вчера весь день шел скучный дождик, у меня болела го-

лова, – и все-таки это был очень, очень хороший день. В этот день я, наконец, получил от своей Шурочки целых три письма и одно письмо от матери. Утром коллега пошел по грязи в город, а я остался дома, уверенный, что получу письма. И в Гранд-отеле, и на почте для меня целых четыре письма. Ура!

Милая Шурочка, меня сильно тревожит и огорчило то, чему ты не придаешь значения, а именно, что из-за меня отношение к тебе ухудшилось в Морозовской б[ольни]це! Неужели это так? Кому какое дело? <…> Я, Шурочка, пока еще более высокого мнения о своих коллегах по Мор[озовской] б[ольни]це и не думаю, чтобы они могли опуститься до такой мелочности! Напиши мне, Шурочка, что ты думаешь по этому поводу. Мне это кажется важным и стоящим того, чтобы разобраться.

Неужели Вильям[19] серьезно может предполагать, что и к нему отношения изменились? Странно! Я думаю, он скорее удручен самим фактом войны между двумя народами, кото-

[19] Вильям Николай Николаевич (1867–1920), старший врач терапевтического отделения Морозовской больницы, имевший немецкие корни. О нем Александра Ивановна (далее Ал. Ив.) была очень высокого мнения. «Вильям очаровывает меня всё больше и больше: удивительно интересный человек и очень образованный! Даже завидно, как много он знает и как во всем разбирается. А главное, меня трогает его семейная атмосфера. Мы тоже создадим такую», – писала она 19 июля 1915 г. Ал. Ив. неизменно отзывалась о Вильяме с большим уважением, называла «обаятельной светлой личностью» и как врача ценила его «больше, чем кого бы то ни было в Морозовской больнице». «Какой он образованный человек! – восхищалась она. – Нередко ухожу после этих разговоров совсем, совсем подавленная своей невежественностью, своим отсутствием политической ориентировки» (16 января 1916 г.).

рые он одинаково уважает и любит, и от дружбы которых он ждал большего, чем от вражды их. Нам, находящимся между этими двумя народностями, тяжело думать и говорить об этой войне. Мы знаем одно, что у нас есть обязанности, которые мы должны исполнять, независимо от того, легко ли они нам достанутся! Но мысли о том, что ко мне мои знакомые и друзья могут теперь хуже относиться только потому, что я немец, – этой мысли у меня не было, нет и не может быть. Я, хоть и с трудом, допускаю, что к незнакомым людям враждебной нации можно относиться с подозрением. Но к знакомым, хорошо знакомым?! Нет! Это невозможно!

Но ты права, Шурочка, что самое страшное в войне – это озверение, одичание мыслей и чувств, благодаря чему даже культурные люди начинают говорить то, чего раньше никогда бы не говорили[20]. Прочти хотя бы статью Евг. Трубецкого в «Русск[их] ведом[остях]» от 2-го августа, где он даже русский воинствующий национализм последних лет приписывает плохому переводу с немецкого![21] Какая чепуха, и какое

---

[20] Это реплика на слова Ал. Ив. в письме от 31 июля 1914 г.: «Я очень рада, мое солнышко Ежик, что тебя всё интересует и занимает, и не дает сосредоточиться только на ужасах развертывающейся войны. Если бы ты только знал, какой ужас меня охватывает, какую боль испытываю при чтении газет. Не смерть, витающая кругом, Ежик, страшна, а озверение человечества».

[21] национального гения, а всего только *плохой перевод с немецкого*, неудачное подражание, которое до сей поры могло существовать у нас лишь благодаря слабому развитию национального самосознания» (курсив в цитате – Трубецкого. – *Сост.).*

затмение критической мысли![22] И как отрадно читать в том же номере «Р[усских] ведомостей]» передовую статью с горячим призывом не разжигать низменные националистические страсти[23]. Получается впечатление, что «Русск[ие] ведомости» борются сами с собой!

И какое глубокое нравственное удовлетворение получил я, когда все без исключения сообщения о пребывании русских в Швеции в унисон писали о необычайно приветливом и радушном отношении шведов к русским, которых они ведь считают своими врагами! Вот когда обнаруживается истинная культура, далекая от всякой кичливой крикливости, как хотя бы в Германии за последние годы! То, что творили немцы в Калише[24], и то, что мы еще будем творить в Германии, – это, я думаю, для шведов и финнов, насколько мы их знаем и любим (не так ли?), явится дикой невозможностью, невероятной сказкой. И я с гордостью читал эти сообщения. Неда-

---

[22] Ал. Ив. тоже обратила внимание на эту статью. 2 августа она писала Фр. Оск.: «Газету читаю аккуратно каждый день и всю, не то что в былые дни. Статьи, указанные тобой, читала с интересом и тоже всё время думала о тебе, мой милый. А сегодня любопытна по своей оторванности и наивности статья Евг. Трубецкого. А как тебе нравится заигрывание с поляками? Ты прав! Внутренняя политика после войны должна круто измениться. Только бы скорее конец этой войне. Иного желания у меня сейчас нет».

[23] В передовой статье содержался призыв к соблюдению долга человечности по отношению к немцам, находящимся в России.

[24] Немецкие войска вошли в польский город Калиш 20 июля, на следующий день после объявления войны, и учинили зверскую расправу над мирными жителями.

ром, значит, нас поражала эта скромная, не бьющая на внешний эффект культурность! И не ошиблись мы, когда вынесли от пребывания в Финляндии только хорошее впечатление о культурном уровне финнов и их учителей – шведов.

А правда, тягостно сейчас читать газеты? Сколько мелкой злобы, сколько без критики, на веру принятых непроверенных, явно ложных известий. И даже «Русск[ие] ведомости]» временами шатаются, сомневаются, не участвовать ли в дикой пляске?! Меня сильно утешает то, что ты, Шурочка, сумеешь отличить истину от лжи, поверишь, что все-таки далеко не всё, что сейчас взваливается и приписывается немцам, – правда! Ты знаешь, Шурочка, что я никогда не был националистом. И все-таки больно иной раз читать все эти дикие голословные нападки на немецкую нацию. Неужели тактаки окончательно уже забыты и Гете, и Шиллер, и Кант, и Ницше, и Бетховен, и Вагнер, и многие, многие другие!

Времени осталось мало до отхода поезда, а потому завтра – больше. Прощай!

Милая моя Шурочка, прощай!

Твой Е.

В то время от Воронежа до Москвы было 18–20 часов езды. Фридрих Оскарович не выдержал разлуки с любимой и сумел-таки 6–7 августа побывать в Москве…

Воронеж, 10-го августа 1914 г.

Милая Шурочка.

Пишу тебе наспех несколько строк. Вчера утром благополучно приехал. Ночью спал плохо, тесно, сильно устал.

Узнал, что у нас имеется главный врач, только не числящийся у нас по мобилизации, который не приехал, а вновь назначенный из числа ординаторов формирующихся здесь госпиталей. И знаешь, кто им оказался? Наш известнейший специалист по грудному возрасту – Федор Александрович Зайцев!!![25] Сюрприз! Но человек он, кажется, милый. Вчера днем мы вчетвером возились, затем меня послали с поручениями в город. Вернулся только к пяти часам. Спать хотелось адски. Выпили с Ал. Аф. чаю и в 7 часов завалились спать. Спал богатырским сном до 7 час. утра!

Вчера достал в городе твои четыре письма и три письма матери. Пишет, что Вилли вернулся через Торнео еще 23-го июля, о Лени нет никаких известий, хлопочут в М[инистерст]ве иностранных] дел[26]. Артур лишился места, но сейчас же получил новое, тоже хорошее, при рижском трамвае. Гуго – idem[27]. Эдит получила прибавку жалованья и много работает, шлет мне горячий привет. Отец ходит по комнатам и бьет мух, «объявил им войну»! Мать думает, что это у

---

[25] Ф. А. Зайцев, из врачей-ассистентов Морозовской больницы, специалист по грудному вскармливанию.

[26] Война застала Лени в Париже, и родные беспокоились, как ей удастся оттуда выбраться.

[27] Idem *(лат.)* – то же самое.

него первые признаки старческой дряхлости. Мать обо мне, конечно, сильно заботится, горюет, что не успели снабдить меня Бог знает чем, советует по возможности близко к границе не подъезжать и т. д.

Я сегодня утром засел, чтобы первым делом ответить ей, ведь я ей давно не писал, и она мне ставит много вопросов. Но я так и не успел окончить. Уже в 9 ч. пришли все коллеги, и с тех пор у нас шел военный совет до часа дня. Чтобы поспеть бросить письмо в поезд, я должен спешить. Матери письмо придется послать уже завтра.

Официально объявлено, что мы выступаем в Бар в среду, 13-го числа, но медицинского имущества у нас у всех еще нет и, быть может, мы останемся еще целую неделю. Когда будет точно известно, я дам телеграмму: едем. Тогда пиши до востребования в Бар, Каменец-Подольской губ.

Левитский не получил отпуска, дела еще много, а времени нет. Милая Шурочка, прости, что я тебе так скверно пишу*, но хочется еще сегодня послать тебе весточку, а времени нет. Поспеть бы только!

Прощай, моя хорошая, не горюй, пиши подробно. Как дела брата?

Прощай, крепко, крепко целую мою женушку.

Твой.

Холодно!

За твои милые письма спасибо, спасибо!

* Письмо написано беглым, размашистым почерком – чем дальше, тем крупнее.

Воронеж, 11-го августа 1914 г.

Милая Шурочка.

Вот уже опять прошло два дня без тебя! Пока ничем серьезным заняться не удалось, даже пулечки еще не составили. Пишу тебе рано утром, а то боюсь, что опять не дадут обстоятельства писать тебе спокойно.

Вчера закончил длинное (в 8 страниц) письмо матери, вложил [фотокарточки и посылаю заказным. Объяснил ей всю сущность устройства полевых госпиталей и как они функционируют. Из ее писем ясно, что она имеет довольно смутное представление о том, как мы будем работать. Успокоил ее насчет моей экипировки. Она себя упрекала во всех письмах за то, что так мало обо мне позаботилась при моем внезапном отъезде. <…>

Вчера вечером получена у нас телеграмма, что медицинское имущество выслано из Москвы. Может быть, мы и в самом деле поедем послезавтра в Бар?! <…>

Жду сегодня получить письмо от тебя. Ведь получу? Ты, Шурочка, не скрывай от меня ничего неприятного, пиши мне и про брата и про то, что тебе приходится переносить. Я хочу знать всё, что касается тебя! Слышишь?!

Зайцев пока производит очень хорошее впечатление. Я

думаю, что мы здесь вчетвером хорошо уживемся – нет среди нас чиновников и формалистов. Сегодня я еду в город закупать всевозможные хозяйственные принадлежности, думаем жить своим хозяйством. Кроме того, куплю по просьбе Зайцева шашки, шахматы и карты. Как видишь, готовимся бороться с всевозможной скукой. Впрочем, мне она не страшна – у меня есть несколько занятий: писать своей женушке письма, заниматься французским языком и читать хорошие книги!

Милая Шурочка, как ты переносишь вторую нашу разлуку? Ведь правда, ты теперь бодрее, чем прежде? Или нет?

1 час дня. Сделал два снимка. После чая пришел Зайцев, сидели, занимались немного делом и больше болтали. Нет, он, правда, симпатичный парень. Я очень доволен, что мне, таким образом, удалось с ним ближе познакомиться. К тому же он веселый, не без юмора! Будет хорошо! <…>

Прощай, моя хорошая Шурочка.

Твой Е.

Воронеж, 12-го августа 1914 г.

Дорогая Шурочка.

Ни вчера, ни сегодня я от тебя писем не получал. Неужели они затерялись? А я так уверенно рассчитывал получить сегодня.

У нас, Шурочка, неразбериха! Зайцев, должно быть, у нас не останется. Он назначен был здесь заведующим формиро-

ванием, а вдруг сегодня предписание из Петербурга: ждать присланных оттуда военных врачей, назначенных в госпитали. Вот так штука! А мы уже радовались! Получим какого-нибудь бурбона петербургского.

Затем относительно дня нашего отправления также ничего не известно. Назначены на завтра. Медицинское имущество, говорят, прислано, но только частью, так как цены в Москве слишком дорогие. Предлагают нам недостающее покупать здесь, в Воронеже. Главные врачи хотят от этой чести, конечно, отказаться. В общем, получается полная неразбериха.

Мы очень огорчены, если только оправдается, что мы получим формалиста за главного врача. Пока еще не теряем надежды, что, может быть, как-нибудь этот вопрос уладится.

Ты, Шурочка, читала статью Ал. Толстого в «Русск[их] ведомостях]» от 10-го числа «Макс Вук»?[28] Верно, много правильного, есть желание разобраться в психологических основаниях настоящей войны, как культурный немец понемногу превратился в безличную, управляемую и бездушную машину. Конечно, кое-что односторонне и несправедливо. Нельзя так обобщать, как это делает Толстой, но всё же здесь отношение к трактуемому предмету серьезное. Напиши, Шурочка, как твое мнение об этой статье. Мне хочется знать, всегда ли твое мнение при чтении газет сходится с моим. Ведь

[28] А. Н. Толстой, впоследствии знаменитый писатель, во время войны работал корреспондентом газеты «Русские ведомости».

я, Шурочка, «Русск[ие] ведомости]» всегда читаю мысленно с тобой и всегда спрашиваю себя, что тебе может понравиться и против чего ты должна восставать. К этому письму я прилагаю две вырезки из понедельничных газет, статьи, с которыми я более или менее согласен. Только, не правда ли, чудно, что надо еще доказывать интеллигентным людям, что Шиллера можно и должно сейчас ставить в театре, несмотря на то, что он немец! Неужели Художественный театр по таким побуждениям откажется от «Дон Карлоса»!

Другая статья тоже старается понять и разобраться в психологии современного германца. Там много воды, но основное правильно, что существуют две стороны немецкого национального характера: один тип идеалиста, мечтателя, немножко сентиментального, далекого от жизни, толерантного, добродушного, непрактичного – это южно-германский тип первых двух третей прошлого столетия; и тип холодного, грубого, практичного, умного, но черствого, малодоступного для восприятия чувства изящного, расчетливого дельца – это пруссак новейшей формации. Пруссак задает тон. Он создал государственное могущество Германии, но благодаря гипертрофии одних качеств получилась атрофия других, не менее важных, а, быть может, и более ценных. Расплачивается сейчас за это немецкий народ. Будем надеяться, что появится вновь старая Германия, культурные ценности которой не могут исчезнуть никогда!

Прости мне, Шурочка, мою тебе давно известную фило-

софию. Все-таки задевают ведь эти газетные статьи и заставляют всё снова и снова возвращаться к одной и той же теме.

Прощай, моя дорогая.

Твой Ежка.

Воронеж, 15-го августа 1914 г.

(два дня не писал)

Дорогая Шурочка.

Вчера, наконец, получил твоих два письма. Прежде всего, камешек, брошенный в мой огород по случаю непоявления моего у окна [поезда], я бросаю обратно.

Что я не был занят, Шурочка, а просто хотел не затягивать разлуку, которая, кроме горечи, уж не могла дать больше ничего, хотел покончить разом, – это, Шурочка, ты, конечно, сама понимаешь. Затем, моя милая, относительно стиля! Знаешь, давай условимся, не будем больше говорить и писать о своем стиле – каков есть, таков и слава Богу! Я боюсь всякого упоминания о стиле, боюсь сравнений. А что я всегда пойму, что ты хотела сказать, в этом, Шурочка, ты можешь не сомневаться.

И, наконец, самое главное. Шурочка, милая моя, к чему эти упреки в том, что ты «внесла столько горечи для меня в праздник встречи»? Милая Шурочка, никогда, никогда ты не должна этого думать. Знай, что горечь, которую ты могла бы внести в наши отношения, – это капля в море радости и света, и верь мне, что это не слова! Хорошая моя, выкинь эту

мысль из головы. В наших отношениях, Шурочка, столько светлого и хорошего, что немудрено, если от такого обилия света получаются и некоторые тени. Но затемнить они фона не могут, наоборот, резче и ярче выступают светлые места картины. Если мы и должны стремиться к светлой ясности, то это еще не значит, что малейшая тень должна нас ввергать в уныние[29]. Для контраста и это нужно!

Веришь мне, Шурочка? Не сомневайся там, Шурочка, где сомневаться совсем не надо! Целуй меня, Шурочка, долгим, долгим поцелуем, но только не искупительным, слышишь! Ты у меня не Золушка, а скорее спящая красавица, которую надо разбудить для прекрасной, светлой, радостной жизни! Хочешь? Пойдем вместе!!!

А у нас всё по-старому. Неразбериха усиливается. Из Петербурга нам врачей не присылают. Может быть, Зайцев и останется, было бы очень хорошо. Он в японскую кампанию был главным врачом санитарного поезда Красного Креста. Немного, значит, знаком с нравами и обычаями этой среды. К тому же он человек энергичный и не дает себя запутать в скверные истории. У него всё будет без сучка и без задоринки.

Медицинское имущество частью прислано, но еще не выдано. Другую часть Москва предлагает закупить здесь, в Во-

[29] С первых дней расставания с любимым Ал. Ив. тяжело переживала разлуку. Например, 31 июля она писала: «Читаю в последние дни мало, а работы много и уныния – тоже. Скоро ли кончится весь этот кошмар? Даю тебе слово, Ежка, что я буду тогда жизнерадостной и светлой, как ты. Ты веришь, да?»

ронеже. Заведующий аптечным складом старается свалить на главных врачей, те отбояриваются. Нашелся еврейчик Муффки, взявшийся достать резиновые изделия. Какого качества, можешь себе представить! Вместо полагающихся 32 пузырей на госпиталь предлагают выдать по одному! и т. д.

Телеграммы в Петербург, в Москву, телеграммы из Петербурга, из Москвы. Вдруг сегодня приказ: сводным госпиталям, назначенным оставаться в Воронеже, немедленно отправиться в Курск и Харьков (значит, и Кутьке). Они начинают сегодня укладываться, а заведующий формированием предлагает особенно не спешить, так как ведь завтра, должно быть, будет получена отменяющая распоряжение телеграмма!!! И т. д., и т. д. <…>

Алексей Аф. в таком же положении. Зайцев сидит каждое утро у нас, беседует. Французский язык у меня подвигается, хотя и медленно. 2-й том Чехова

сегодня заканчиваю, завтра вышлю. Все-таки советую читать. Штудируем газеты, следим по карте, отмечаем флажками, спорим о зверствах и т. д. Публика все-таки поддается логическим убеждениям, хотя и туго.

От матери больше писем не получал. Много мух! Дождик сегодня.

Прости, моя Шурочка, что два дня не писал – ждал я твоих писем и вот дождался.

Прощай, моя хорошая.

Воронеж, 16-го августа 1914

Милая моя жена!

Дождь, тускло, серо, слякоть. Пишу тебе рано утром. Жду сегодня от тебя письмо. Коллеги еще спят, в соседней комнате хозяйка-теща ругается, по обыкновению, со своим зятем. Тяжелая, увесистая ругань. Мух видимо-невидимо! Кислый запах в комнате, грязь и пыль на полу и всех предметах. Вот наша обстановка! Однако, Шурочка, не думай, что я это описываю для того, чтобы тебя разжалобить. Если рано утром дождь, то, значит, днем будет солнце. Откроем окна, часть мушиного стада выгоним, зять уйдет, и ругань прекратится, грязь и пыль заставим Федора убрать мокрой тряпкой. Одним словом, всё это поправимо и пройдет. Временная неприятность. Уныния из-за этого не будет.

Дела госпиталя *in statu quo.* Оказывается, что уже несколько дней тому назад сюда приехал какой-то генерал из Москвы, которому подчинены все наши госпитали. Остановился он в гостинице и ждал, когда к нему явятся подчиненные власти. Ате ничего не знали! Общий конфуз! Генерал – старичок, отставной, ничего не понимает. Ему сказали, что здесь ему всё объяснят, а тут только имеются противоречивые телеграммы из Петербурга и Москвы. Неразбериха. А теперь у генерала распоряжением из Москвы отняли его сводные госпитали и перевели в Курск и Харьков. Чтобы не остаться совсем без подвластных, он слово «немедленно» толкует широко и задерживает госпитали до воскресе-

нья, авось к тому времени одумаются и оставят их здесь, в Воронеже.

Главным врачам дали деньги на руки – извольте закупить всякие катетеры, термометры и пузыри! Достанете что-нибудь – хорошо, нет – ваше дело. Путаница увеличивается.

Приехали третьего дня к нам сестры. Пока три, четвертой еще нет. Приехали они из Ташкентской общины. Старшая – вертлявая, болтливая, маленькая, с лошадиной физиономией, неопределенного возраста (35–65?), говорит за троих, во всё сует свой нос. Другая – крепкая, краснощекая, громко смеющаяся, зубастая девка (23 года), нрава, кажется, веселого, без претензий, провинциалка, выросла в Верном[30] Семиреченской области, других городов пока не видала. Третья – совсем молоденькая (20 лет) девчонка с томными, кокетливыми глазами, с некоторой претензией на изящество, выросла в Кронштадте, затем попала в Туркестан, крест получила только что в мае. Со вчерашнего дня зажили своим хозяйством, обедали вместе, приготовленное нашими двумя поварами. Наелись здорово, страшно надоела ресторанная еда.

Кончил вчера 2-й том Чехова, начал 3-й – письма, написанные во время путешествия на Сахалин. Сколько наблюдательности и сколько непринужденного (иной раз даже слишком непринужденного) юмора! Правда, советую читать.

Печатал и печатаю фотографии, на днях пришлю. Красивого в них мало, но жанровый интерес, а для меня – истори-

[30] Ныне Алма-Ата (Алматы).

ческий, они, конечно, имеют. <…>

Эх! Была бы ты здесь! Зажили бы даже в этой обстановке!

А солнце только что выглянуло на минуточку, будет хорошо!

Прощай, моя Шурочка,

Твой Ежка.

Воронеж, 17-го августа 1914 г.

Вчера, Шурочка, я получил твое письмо от 12-го/VIII, которое меня очень, очень обрадовало. Ведь ты, Шурочка, становишься спокойней, только продолжай в этом же духе, не поддавайся всяким шквалам и внезапно налетающим бурям мнений в себе и в других. Стала ты спокойней – и сразу тебя заинтересовали окружающие: и директор, и Мих. Ал.[31], и раненые, и «Русск[ие] ведомости]» и т. д. Вот видишь! Надо только постараться! Это ничего, что я тебе так наивно пишу, ты всё равно прими к сведению.

А у нас слухи, слухи, слухи! Вчера стали говорить, что нас в Бар не отправят, что ждут телеграммы с приказанием выступить на Кавказ, к турецкой границе! А сегодня опять утверждают, что в ближайшие дни поедем все-таки в Бар.

---

[31] Скворцов Михаил Александрович (1875–1963), прозектор Морозовской больницы, впоследствии выдающийся патологоанатом, академик Академии медицинских наук СССР. К нему Фр. Оск. и Ал. Ив. относились с большим уважением и симпатией. Ал. Ив. писала: «Удивительно он милый и интересный человек» (3 августа 1915 г.). В другом письме она называла его «очаровательным собеседником» и уточняла: «Он прост, непринужден и весел» (9 октября 1915 г.).

Вот и разбери, что будет. Ждем у моря погоды. Часть медицинского имущества (инструментов, фармацевтических средств) вчера выдали, часть (хотя и весьма малая) нами закуплена здесь. Может быть, и в самом деле на этих днях выступим. Вчера узнал, что Кутька несколько дней тому назад поехал в Москву, и в тот же день ему была послана телеграмма немедленно вернуться, так как сводные госпитали сегодня должны отправиться в Харьков. Так что Кутька, только что приехав, в тот же день должен был выехать и быть сегодня утром уже здесь, в Воронеже. Бедный, напрасно проездил, – не везет.

Вчера все мы были в бане: Зайцев, Левитский, Ал. Аф. и я. Здорово парились, мылись. Вспоминал, глядя на свою чистоту, былые дни, с надеждой взирал на будущее – будем и мы рысаками. После бани решили скопом пойти в Общественный сад на оперетку «Цыганские романсы». Я думал, что будет хуже. Под конец певцы и певицы распелись, и было совсем недурно. Правда, много было наивного и в декорациях, и в костюмах, и в приемах. Вставные куплеты на злобу дня также были лишены особенного остроумия, вроде: австрийцев и германцев все лупят, или вздохи на тему, как трудно прожить без водки[32] и т. д. Но, в общем, все-таки лучше, чем я думал.

---

[32] 18 июля органам местного самоуправления было предоставлено право закрывать торговлю спиртными напитками. С 22 августа «сухой закон» был ужесточен и продлен до окончания военных действий.

Это в первый раз, что я вечер провел не дома, и, должно быть, это будет и последний раз. Все-таки разве можно сравнить удовольствие, которое получаешь дома, сидя за хорошей книгой, с удовольствием сомнительного качества в неуютной чужой обстановке «Семейного сада»? Это мораль, которую я каждый раз извлекал из набегов в «аквариумы», «эрмитажи» и т. п. <…>

Присылаю тебе имеющиеся фотографии и образчик современного публицистического стиля, извлеченный из фельетона Т. Ардова в «Утре России»[33]. Кажется, в красноречии дальше ехать некуда.

Фактическая поправка: немцы обвиняют в зверствах пока не русских, а только французов и бельгийцев. Моя точка зрения тебе известна: всегда вражеская сторона в послед-

[33] В письмо вложена вырезка из статьи Т. Ардова (псевдоним В.Г. Тардова): «Опаиваемый пивом, обкармливаемый колбасой и мясом немецкий мопс пухнул и хмелел из года в год, глаза его наливались кровью, и скоро вся Германия стала похожа на одного огромного Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарным пеплом, пропахшую прогорклым вчерашним пивом. И гордо выставившую вперед живот. Вся Германия, – как та статуя Бисмарка, нелепый колосс, глупым пятном испортивший зеленую долину прекрасной реки; точно насосавшийся клоп, уселась она посреди Европы. – В глубоком опошлении, в последнем угашении духа, коллективная немецкая посредственность зачеркнула всё на свете, кроме “богатства” и “силы”, и сделала своим идеалом колониального “плантатора” из Камеруна, расстреливающего своих рабов, Круппа из Эссена и его великого кайзера, могущественного кайзера, этого Нибелунга двадцатого века, потомка “кровожадных азов”, ездящего в автомобиле, рожок которого играет “шествие богов в Валгаллу”. Всё символично в этой Германии, от Вагнера до Цеппелина, похожего на обширную колбасу, и до открыток со свиным задом!» (Утро России. 1914. 14 авг. № 189. С. 1).

ние войны обвинялась в зверствах. Единичные факты всегда возможны и, несомненно, имеют место и с той, и с другой стороны. Такова человеческая природа. В систематические, так сказать, официальные зверства я не верю, сколько бы ни писали об этом. Это, во-первых, бесцельно, а во-вторых, глупо, так как может заставить противника отплачивать систематически тем же*.

<…> Погода вчера днем и сегодня хорошая, теплая. Пол вымыт. Мухи одолевают!

Почему ты мне ничего не пишешь о своем брате? Как и что? Я жду.

*Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 18-го августа 1914

Ну вот, Шурочка! А я тебя только что хвалил за спокойствие! А сегодня тон опять совсем пессимистический. Ах, твои быстрые переходы! Ну, ничего, это просто головная боль тебя опять изменила. Ведь теперь голова не болит, и ты опять спокойно и ясно смотришь на всё, не так ли? Бедная моя, не дают тебе опять спать стенотики[34]. Господи, когда же тебя возьмут из дифтерита! Ты ведь, в конце концов, совсем расстроишь свои нервы!

Ну а относительно духовных причин твоего плохого на-

[34] Стенотики – больные дифтерией со стенозом гортани (крупом), задыхающиеся и требующие немедленной интубации дыхательных путей и трахеотомии.

строения я с тобой согласен. Что для многих коллег война – это только способ всякими путями урвать от казны лишний кусок, это верно[35]. Здесь у нас, например, большую роль иг-

[35] Настроение Ал. Ив. переменчиво. Только недавно, 11 августа, она писала: «Наконец, после двухдневного напряженного ожидания раненых, сегодня мы их увидели. Привезено их 101 человек в 10 часов вечера. Еще издалека слышались тягучие рожки автомобилей. И какое же особенное волнение при виде многочисленных мчавшихся с огнями и флагами Красного Креста автомобилей. Почувствовали веяние войны. Раны довольно легкие, главным образом в области конечностей. Перевязывали все ассистенты и наши хирурги. К 12 часам всё уже было сделано: солдаты перевязаны, накормлены, переодеты и уложены. – И знаешь, Ежичка, какая сплоченность и солидарность чувствовались в это время. Дедушка порхал, и взор его был светел и радостен. Неправы те, кто обвиняет нас в специфичности и узости. Ведь разве можем мы получить такое общественное воспитание, какое дается вам благодаря гражданским обязанностям?». Дедом, дедушкой молодые врачи называли директора Морозовской больницы Н. Н. Алексеева. О нем Ал. Ив. тогда отзывалась с большой теплотой: «Знаешь, я совсем очарована своим дедусей: он позаботился доставлять раненым почтовую бумагу и каждый день – газеты. Им, кажется, здесь хорошо» (12 августа). Но относительно гражданских чувств врачей в целом она начала проявлять некоторый скептицизм: «Особенно что-то тяжело сегодня. Уж очень приходится разочаровываться в том общественном подъеме, про который так усиленно пишут газеты. Вот, хотя бы взять оборудование госпиталей. Сколько за последнее время было разговору у наших старших врачей относительно массы работы по устройству этих госпиталей. Я сочувствовала им всей душой и готова была предложить свои услуги; думала – всё это святой безвозмездный порыв. А оказывается, эти госпитали просто-напросто лакомый кусочек для всех городских врачей, за который они очень жадно хватаются, забывая свой долг перед обычными своими больными. Ведь 125 рублей что-нибудь да значат. Простым же врачам, желающим только заниматься в госпитале, нечего туда и нос совать. Разве всё это не противно, Ежичка? Война – это просто рентгеновские лучи для всего скверного в человечестве. Слышишь всё это нехорошее и хочется хоть самой-то лучше быть, а выходит только хуже: нервничаешь, раздражаешься и обижаешь других» (14 августа).

рают так называемые «лошадиные деньги». Дело вот в чем: по мобилизационному плану полагается в каждый подвижной госпиталь по лошади на врача. Выдаются ему деньги на лошадь, на седло и, кроме того, еще какие-то добавочные на седло, в общей сумме – 395 рублей. Подвижным госпиталям лошади необходимы, запасным же – нет, нас будут перевозить по железной дороге. Поэтому в мобилизационном плане и указывается, что запасные госпитали получают только одну лошадь для телеги.

Вот это и показалось многим врачам обидным. Отыскали какую-то не отмененную статью закона, по которой и нам следует получить по лошади, т. е. *деньги* на лошадь и фуражное на нее довольствие, в размере 1 р. в сутки. И вот многие старшие врачи запасных госпиталей выдали уже и себе около 1000 рублей (а им полагается 3 лошади, коляска, упряжь), и своим ординаторам эти пресловутые «лошадиные деньги», и регулярно берут и фуражные деньги, дескать, по закону полагается, почему не брать. Некоторые деньги пока хранят до окончательного выяснения вопроса, а некоторые, ничтоже сумняшеся, послали их уже домой.

Красиво, верно? А уж разговоров, разговоров сколько было! Во всяком случае больше, чем о делах госпиталей. В нашем госпитале этот вопрос даже не поднимался. Если окажется, что нам полагаются лошади, я себе куплю, так как надоело пешком по грязи бегать в город и тратиться на извозчиков. Но получать фуражное довольствие на лошадь, не

имея лошади! Брр!

Вообще, Шурочка, я с тобой согласен, что порядочных людей не так уж много среди коллег, – милые товарищи! Но всё же, Шурочка, не следует из-за этого повесить нос и разочаровываться во всем. Если нет сейчас, то будут. Дадим же пример, и только! И вообще, моя хорошая, не верь в то, что начинается «томительно скучная пора», не настраивай себя на такой лад. Будет не скучно, а будет интересно, только не так, как было со мной, а по-другому! Верь, тогда и не будешь нервничать и обижать товарищей. И будешь ты хорошая, а не нехорошая, как ты себя величаешь. Вот опять тебе мораль прочел. Ничего, это тебе полезно!

Знаешь, Шурочка, какой я глупый! Вот уже три недели мы здесь сидим в Троицком, на самой его окраине, и только вчера мы втроем догадались пройтись и посмотреть, что за окрестности. И оказалось, что тут близко есть чудные места. Воронеж стоит на горе, и кругом тоже холмы и долины. Вышли мы из села, подошли к железной дороге. Затем вдоль полотна шли версты две или три. Насыпь высокая, а с нее прекрасный вид на обе стороны: долины, леса, справа река Воронеж, а вдали на другом холме виден Воронеж, а у самого горизонта – уходящий вдаль, на Ростов, поезд. Погода прекрасная. Затем свернули влево и через поля добрались до рощицы, где под высокими дубами и отдохнули.

Как бесплатное приложение к этому письму прилагаю листочек с одного из этих дубов. Посмотри на него с грустью, с

надеждой, с верой в будущее. Придет опять наше время, когда мы с тобой будем гулять вдвоем, придет опять наш «остров Нагу».

Кончилось наше сиденье под дубами большим сражением желудями, причем я потерпел поражение и удрал в лес, красивый лиственный лес. Там мы опять соединились и наткнулись на фруктовый сад. Купили у старика яблок и груш, перебрасывались тыквами и вообще вели себя непринужденно. На обратном пути попали в красивую долину – по обе стороны холмы, покрытые лесом. Затем прошли мимо тихого пруда при вечернем закате. Было очень красиво и тихо-тихо. Людей почти не было. Попались только четыре семинариста, очень красиво певшие хором «Из страны, страны далекой», «Стоит на Волге утес» и т. д. И тенор, и бас были великолепны. И всё, Шурочка, думалось, почему тебя нет. Было так хорошо, а как хорошо было бы с тобой!!!

Думаем сегодня после обеда опять пойти в те же места. Какие мы глупые, что всё время сидели дома! Возьму сегодня с собой фотографический аппарат.

Будь спокойна, моя хорошая. Целую тебя крепко,

Твой Ежка.

Воронеж, 19-го августа 1919 г.

Милая Шурочка.

Вчера снова получил письмо от тебя, от 15-го числа. Ты мне стала писать совсем аккуратно. Хвалю за это! И настро-

ение твое 15-го числа было опять приличное. Как быстро оно у тебя меняется! Ах ты, моя непостоянная!

Вчера у нас заладил дождь, мелкий, серый и дюже мокрый. Всюду слякоть и грязь. Таким образом, не пришлось вчера гулять! Сегодня же погода опять прекрасная, и мы думаем воспользоваться этим.

Медицинское имущество мы сегодня окончательно получим. Из 18-ти ящиков имеем 17. Завтра думаем объявить рапортом заведующему формированием, что госпиталь 253 готов. Даже резиновые изделия мы получили здесь, в Воронеже, хотя и не все, и не всегда такого качества, как нужно. Теперь, я думаю, можно уже с большой долей вероятности сказать, что на днях выступаем. Все-таки, должно быть, в Бар. Главный врач из Петербурга что-то долго едет. Пока у нас еще Зайцев.

Сегодня мы получаем жалованье. На мою долю 131 рубль, но, говорят, что Левитский что-то напутал, и что мы должны получать больше. Себе как старшему ординатору он высчитал около 300 р. Высчитывать приходилось по всяким законам, и разобраться в них не так уж легко. Как бы то ни было, завтра я отдам Алекс. Аф. 35 р. и тебе пришлю остальные 30 рубл[ей]. (Ведь 25 р. ты получила?) <…>

Хочу, кстати, послать и 20 рубл. сестре, чтобы заодно уж отделаться от долгов. Останется портной, которому я 51 р. пришлю по получке следующего жалованья. Когда мы отсюда тронемся, то нам опять выдадут какие-то прогонные

и увеличенные суточные, так что, думаю, месяц я проживу. Неинтересно, верно? Ну ничего, приходится иной раз и такими скучными материями заниматься.

Позабыл тебе писать, что книги, купленные мною у Кутьки, это: проф. Felix Lejars «Хирургическая помощь в неотложных случаях», в двух толстых томах, издания Карцева. Хвалят, но я еще не начинал читать, так как увлекся следующим томом писем Чехова периода поездки на Сахалин. Читай, Шурочка, читай, удивительно у него правильное (на мой взгляд) мнение о людях, и как он ненавидел всё мелочное и пошлое, не словами только, но всем своим нутром. А если кого полюбит, какое удивительно хорошее отношение, какая вера (напр., к Суворину[36]). Нет, положительно большое наслаждение я получаю от этих томов.

Шурочка, пиши мне о своем брате, о своих семейных делах, не умалчивай, я прошу тебя! Ты хочешь знать обо мне и моих родных всё, и я тоже хочу знать всё о тебе и твоих.

Прощай, моя дорогая Шурочка, прощай моя хорошая.

Твой Ежка.

(Хороша подпись?)*

<…> Вот уже пять дней подряд пишу тебе. Ай да я!

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 21-го августа 1914 г.

Шурочка, я угнетен! Рука моя дрожит, туман застилает

[36] Имеется в виду А. С. Суворин, известный издатель и драматург.

мне взор, мороз пробегает по спине! Нет, кроме шуток, случилось нечто весьма неприятное: вчера приехал из Петербурга наш новый главный врач и произвел на всех нас весьма неприятное впечатление. Так как большинство госпиталей объявило себя готовыми, а из Москвы нашему заведующему формированием (очень милому человеку) прислали нагоняй за то, что дело плохо налаживается, и приказали нам сейчас же выступить, – мы вечером всем составом пошли на сборный пункт узнать, к какому часу нам комендант станции приготовит эшелон.

Пока мы там сидели и болтали, внезапно быстрым шагом вошел среднего роста и возраста военный врач в походном снаряжении, т. е. с ременной крест-накрест портупеей, ременным же поясом с револьвером (для ча?[37]), в золотых очках, с маленькой, a la Napoleon III, черной бородкой и острыми колющими глазами. Вошел и быстро стал обходить всех, здороваясь и представляясь Марковым. Мы знали, что к нам должен приехать именно Марков, спросили, к нам ли он приехал, и вот познакомились. Скороговоркой, резким голосом он стал расспрашивать Зайцева о делах госпиталя, постоянно его нетерпеливо перебивая: я знаю, знаю.

В общем, такой тон, который мы тут еще не слыхали ни от кого. Военных врачей здесь много, однако, никто не про-

---

[37] Для ча? (*просторен.*) – Для чего? Например: «А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?» – спрашивал хозяин распивочной Мармеладова (см. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание).

изводил, хотя бы вначале, подобного впечатления, никто из них здесь начальством себя не держал. Чин у него не выше других главных врачей, но, говорят, что он служил в Петербурге у крупного медицинского инспектора или что-то в этом роде. Одним словом, чувствует себя шишкой, с твердой почвой под ногами. «Как Ваша фамилия?», «А Ваша?» и т. д. Всё это говорится начальственным отрывистым, не терпящим возражений тоном.

Может быть, первое впечатление хуже, чем окажется на самом деле, но пока мы словно с рая на землю свалились. Чувствуем себя более пораженными, чем при прочтении о нашем поражении в Восточной Пруссии[38]. Там-то ведь дело поправимо, а здесь? Только ты, Шурочка, не удручайся, может быть, он окажется неплохим. Ведь бывает же у некоторых людей неприятный тон, несмотря на то что они недурны. В крайнем случае, если он формалист и чиновник, то можно себя обставить формально, чтобы придраться было не к чему. Товарищеских отношений с ним не будет, но зато они имеются с другими коллегами.

---

[38] Наступательная операция Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии 4 августа – 2 сентября потерпела неудачу. 2-я армия под командованием генерала от кавалерии А. В. Самсонова была окружена и понесла огромные потери. Чтобы избежать плена, генерал Самсонов в ночь на 17 августа застрелился. Сообщение штаба верховного главнокомандующего о больших потерях двух корпусов, гибели трех генералов (А. В. Самсонова, Н. Н. Мартоса, Е. Ф. Пестича) и некоторых чинов штаба было опубликовано в газетах 19 августа. 1-я и 2-я армии были выдавлены из Восточной Пруссии. Однако эти боевые действия отвлекли часть сил германской армии и не позволили ей одержать победу на Марне.

Ты, пожалуйста, моя хорошая Шурочка, не огорчайся! Уедем мы, должно быть, сегодня. Извещу тебя телеграммой. Пишу рано утром. В 9 часов к нам придут Марков и Зайцев и сдадут один другому свои обязанности.

Наше поражение меня сильно огорчило. Неужели и теперь у нас там царит халатность? Ведь чтобы уничтожить штаб, надо было обойти корпуса сзади! Они зевали, и их обошли! Неужели мы всё еще недоросли? Нет, нам превосходством своей культуры еще рано кичиться. Верно?

Не огорчайся, милая моя Шурочка, моим письмом, всё образуется. Целую крепко.

Твой Е.

Воронеж, 22-го августа 1914 г.

Вчера получил два твоих письма от 17/VIII и 19/VIII. Милая моя, хорошая бедная Шурочка! Опять неприятность с директором[39]. <…> Не у него ли и Бор. Абр.[40] научился своей несдержанности? Как будто бы ничего себе человек, и вдруг такая нелепая вспышка, ни на чем не основанная, – и всё к черту! А нашему брату приходится страдать.

Представляю себе твое состояние, моя дорогая. Я бы по-

---

[39] Директор и главный врач Морозовской больницы Николай Николаевич Алексеев (1856–1927) пользовался непререкаемым авторитетом среди врачей. В отношениях с подчиненными он был требователен и строг. Вероятно, впечатлительная Ал. Ив. пожаловалась в письме на какое-то резкое замечание директора.

[40] Борис Абрамович Эгиз, старший врач заразного отделения Морозовской больницы, в котором прежде работал Фр. Оск.

старался тебя утешить, погладил бы тебя по головке, говорил бы: плюнь, Шурочка, тебя от этого не убавится! Он не тебя, а себя наказывает своей резкостью, себе же он выдает testimonium paupertatis[41]. Но, конечно, обида и боль всё же остаются, несмотря на все доводы рассудка. Ведь больнице отдаешь всё свое время, все свои нервы. Знаешь, что обязанности свои исполняешь добросовестно, даже более. И видеть в ответ такое к себе недоверие, знать, что никогда ты не гарантирован от грубого немотивированного окрика, – это больно! Сочувствую тебе, Шурочка, всей душой, ведь и мне приходилось испытывать то же самое. Я это знаю.

Только, моя хорошая, ты не должна из этого события делать вывод, что ты всюду и всем приносишь одно только неприятное, что ты нехорошая, что ты виновата. Шурочка, не смей даже в мыслях иметь что-либо подобное! Это неправда! Это твоя впечатлительность и нервность наталкивает тебя на такие мрачные мысли. Поверь моей объективности, это неправда!

Ты, моя Шурочка, нервная, а нервные люди при нервном настроении в нервной атмосфере еще больше нервничают. Отсюда и грубая выходка директора по адресу «маятника». Вот и всё. Но считать себя причиной, виновницей, Шурочка, Боже упаси. Ты этого не делай и не думай!

Что свет клином не сошелся на Морозовской больнице,

---

[41] Testimonium paupertatis *(лат.)* – свидетельство о бедности, в переносном смысле – о несостоятельности, недомыслии.

это я тоже думаю и совершенно с тобой согласен, что если условия жизни будут невыносимы, то лучше бросить всё и искать себе что-нибудь более подходящее. Но только, Шурочка, я еще не вижу этих условий! Жить в атмосфере постоянного к себе недоверия и плохого обращения я бы тоже не стал ни минуты, но отдельные вспышки, как бы обидны они ни были, всё же еще не свидетельствуют об этом. В этот момент ты имеешь дело с людьми невменяемыми, неспособными критически отнестись ни к себе, ни к другим. Пройдет вспышка, успокоятся нервы, – и люди начинают понимать свою ошибку, стараются ее загладить.

Яркий этому пример Бор. Абр. Ведь ты не сомневаешься, что отношение его к тебе хорошее? А я, Шурочка, не сомневаюсь, в том, что отношение директора к тебе тоже хорошее по существу. Это неоднократно проскальзывало в его отзывах о тебе и твоей работе. И не говори, что тебе такого хорошего отношения не надо, если при нем возможно такое возмутительное обращение, такое явное недоверие. Ведь человек в этот момент невменяем. А люди бывают разные, приходится судить их неодинаковой меркой, приходится поневоле прощать им многое. Поэтому, Шурочка, не затаивай надолго эту обиду. Бог ему судья. Всё же он имеет так много хороших, положительных черт, что его идиотское самодурство, иной раз проявляющееся, можно пропустить мимо себя, не реагировать длительно.

Вот поэтому я и думаю, Шурочка, что тебе не следует уже

раздумывать об оставлении Морозовской больницы. Поверь мне, Шурочка, что как только у меня появится уверенность в том, что отношение со стороны начальствующих и коллег к тебе по существу нехорошее, – я первый посоветую тебе отряхнуть прах с своих ног. Но пока, Шурочка, я уверен в обратном и поэтому прошу тебя, Шурочка, не придавай этой выходке слишком серьезного, принципиального значения. Я думаю, что ты еще вполне можешь работать в Морозовской больнице, не сгибая спины и не преклоняя колен перед начальством!

А что Влад. Алекс.[42] вел себя возмутительно, меня это не удивляет. <…> Но его ведь можно вполне игнорировать. Каков в данный момент Ник. Ник. [Алексеев], таков и он. Из-за всего не стоит себе расстраивать нервы. <…>

Был вчера у нас в канцелярии главный врач и принимал дела от Федора Александровича. Был он хотя и страшен, но и смешон. Очевидно, проштудировал перед отъездом из Петербурга все подходящие статьи закона, всё это у него в голове перепуталось, и поэтому, несмотря на сильное желание подать вид, что он всё знает и всё видит, получилось впечатление обратное. Зайцев узнал, что он по окончании сразу же получил место в медицинской канцелярии, и вообще человек с медициной общего весьма мало имеющий, – попросту карьерист. Сейчас его начальство посадило на это хорошее

[42] Владимир Александрович Колли, старший врач заразного отделения Морозовской больницы.

местечко, где он может выдвинуться, чтобы после войны занимать уже более высокие должности.

Зайцев находит, что так как он в медицине ничего не смыслит (он Зайцеву сам сказал, что он «не хирург»), то наше дело выиграно, что мы его при некоторой ловкости будем держать в руках. Зайцев нам советует взяться смело за хирургию и импонировать ему этим. Я после разговора с главным врачом также вынес впечатление, что не он будет мною командовать. Горячо советую товарищам держаться более независимого тона с ним и не давать ему возможности быть слишком о себе высокого мнения (боязнь начальства все-таки глубоко вкоренилась в русского человека!). Так что, Шурочка, ты не унывай, твой Ежка не даст себя согнуть в бараний рог и будет достоин своей Шурочки.

А я, Шурочка, должен прочесть тебе маленькую нотацию. Неужели ты думаешь, что я могу постепенно писать тебе всё реже и реже?! Ведь мне, Шурочка, обидно это читать! Больше ничего не скажу…

А, может быть, письма плохо доходят? Я как-то раз не писал два дня подряд, затем пять дней писал, а потом третьего дня опять пропустил день. Шурочка, мы ведь живем здесь втроем в одной тесной комнате, а почта от нас далека! Бывают иной раз условия, правда, весьма неблагоприятные для писания! Не будь так строга! Знай, Шурочка, что я всегда с тобой, даже если иной раз и пройдет день без письма!

Твой Ежка.*

Вчера мы не уехали, не уедем и сегодня – мы попали в последнюю очередь. Вчера отправились 6 госпиталей, между прочим и Алексей Афанасьевич. Сегодня отправятся еще 8 госпиталей, а мы, должно быть, завтра или самое позднее послезавтра. В Бар адресуй тоже пока «до востребования». Если не получу, то сообщу. От матери уже две недели нет известий! Письма не доходят?

Погода свежая, но ясная, изредка дождевые тучи. Были опять во фруктовом саду. Снимал, но еще не проявил. Были с Зайцевым.

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 23-го августа 1914 г.

Дорогая Шурочка!

Сегодня, наконец, выяснилось, что мы непременно поедем не позже завтрашнего дня, может быть, даже сегодня ночью. Эшелон уже назначен, мы только еще не справились относительно часа отъезда. Вечером всё будет известно. Пойду на почтамт, брошу это письмо и пошлю тебе и своим в Ригу телеграмму: «Едем Бар». Вчера и сегодня я от тебя писем не получал. Оставлю заявление, чтобы мне письма пересылалась в Бар «до востребования». Думаю, что мы там письма таким образом получим. Если необходимо адресовать «в действующую армию», то тотчас же уведомлю.

Наконец-то! Последние дни стало совсем нудно сидеть здесь без дела. Товарищи почти все уже уехали, дождь сегодня с утра, грязь непролазная. Холодно! Одно стекло в раме у нас выбито, и ветер ночью так и гуляет себе по нашим спинам. Некому согреть!

Вчера к вечеру получил письмо от Эдит. Оказывается, что Лени всё еще сидит в Париже. Дома получили от нее запоздавшие открытки, в которых она пишет, что madame, у которой она остановилась, очень любезна и предлагает ей жить у нее всё время войны, даже если у нее иссякнут средства, после войны-де отплатит. Всё это, конечно, очень хорошо, но ведь германцы уже подходят к Парижу, и мирное население оттуда бежит! Где она останется теперь? Эдит пишет, что мать сильно беспокоится, похудела, волнуется, а вообще чувствует себя очень скверно.

К тому же Карлушка поднес сюрприз: провалился на переэкзаменовке по математике. Родители потеряли голову и взяли его из гимназии! Я думаю, что это зря, и хочу сегодня писать и убеждать оставить его еще на один год в том же классе. Экий он лентяй! Теперь, говорит Эдит, он сам чувствует себя вполне уничтоженным, уж слишком он надеялся на свое обычное счастье!

Три старших брата и сама Эдит продолжают регулярно работать, но общий дух угнетенный. Лени место учительницы французского языка, которое ей было обещано весной, конечно, тоже потеряла! В общем, печально. Отрадного в пись-

ме Эдит ничего не нашел.

Господи, как много горя приносит эта война! Если вдуматься, то всё, о чем читаешь в газетах, не только то, что делается на «театре» военных действий, – сплошной ужас! Люди стали говорить совсем другим языком. То, что казалось нерушимым, разлетается в два дня. Все культурные устои – насмарку, повсюду одичание и озверение. Где же наша хваленая европейская культура? Какое взаимное ожесточение! Какая ненависть друг к другу, к людям, которые тебе никакого зла не сделали, которые случайно принадлежат к другой национальности! Мы, Шурочка, с тобой не поддадимся! Мы найдем в себе достаточно твердые устои, верно?!

Должно быть, все-таки еще необходимо человечеству от времени до времени такое кровопускание…

Прощай, моя дорогая, хорошая. Одна ты у меня!*

А относительно того, что мы читаем в газетах, Шурочка, мы всегда с тобой, не сговорившись, одного мнения. Например, Петроград. Я именно то же самое слово «убожество» хотел применить к этому сообщению[43]. Вообще, когда я что-нибудь здесь читаю, я живо ощущаю контакт с тобой – едина душа!

* Далее приписки на полях письма.

---

[43] По-видимому, сообщение 18 августа о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград.

Воронеж, 24-го августа 1914 г.

Шурочка! Я с тех пор, как уехал вторично из Москвы, только три дня не писал тебе. Писать тебе по возможности ежедневно – это для меня потребность и удовольствие, которого я не желал бы лишиться, а ты предполагаешь, что я жду твоих писем, как будто бы пишу тебе не совсем охотно?! Шурочка, мне больно это читать, не надо больше так писать. Если ты за день не получишь от меня письма, то, значит, одно из двух: либо почта неаккуратна, либо у меня не было возможности писать тебе или послать тебе письмо. Хорошо, Шурочка? Ты больше не будешь?

Только что получил письмо от 21/VIII. Бедная Шурочка, ты всё еще не успокоилась. Несмотря на посторонние вещи, о которых ты рассказываешь, тон письма все-таки выдает тебя. Ты не можешь скрыть, хотя и стараешься. <…> Эх, Шурочка, посадить бы тебя сейчас рядом с собой, прислонить твою буйну голову к своему плечу и обнять бы тебя крепко, крепко и так посидеть бы некоторое время молча, – легче бы тебе стало, верно? Пожалуй, это будет действительнее, чем мое длинное письмо, в котором я старался на тебя подействовать успокаивающе всем имеющимся у меня арсеналом доводов разума и рассудка. Ничего, Шурочка, всё образуется, придет и наше время!

Я тебе вчера послал телеграмму: «Едем Бар», чтобы ты сюда больше не писала (как бы цензура не задержала телеграмму?). Однако мы ни вчера, ни сегодня не поехали, а тро-

немся только завтра. Несмотря на отданный приказ, несмотря на то что сегодня выезжает последняя партия госпиталей, наш главный не торопится. С трудом мы его сегодня уломали ехать завтра вечером.

Утром еще раз зайду на почту. Милая Шурочка, пиши мне, пожалуйста, в Бар сначала два письма по разному адресу одновременно: одно «до востребования», а другое «Действующая армия, 253 запасный полевой госпиталь, ординатору такому-то». Посмотрим, какое из них дойдет и что скорее.

Вчера были в бане, а потом сидели и пили чай у Зайцева. Много говорили о Мороз[овской] б[ольни]це, характере Ник. Ник. [Алексеева], Вл. Ал. [Колли], Бор. Абр. [Эгиза]. Мне очень интересно было слышать его мнение. Он очень интересный человек, удивительно свежий и бодрый, вечно юный. Он сам говорит, что его долго принимали за студента и отказывались верить тому, что он опытный врач. У него неиссякаемая энергия, удивительная простота обращения. Он может дурачиться как мальчик, и вместе чувствуется, что он человек много работающий и знающий. Чем больше я его узнаю, тем больше он мне нравится.

Его здесь упразднили, послали телеграмму в Москву, и он уже твердо рассчитывал, что поедет домой и поступит в Красный Крест. И вот сегодня оттуда телеграмма: Зайцев назначается временным главным врачом предполагаемых формироваться в Воронеже эвакуационных госпиталей. Одним

словом, жди здесь у моря погоды. «Временным», «предполагаемых»!!! Бедный! А он так надеялся!*

Наш главный мне уже совсем не страшен. Это всё потуги казаться страшным. Меня он не съест. Я в нем вижу больше смешного.

Лошадиные деньги мы не получаем, слава Богу! Многие останутся с носом!

Ем ежедневно около 20 яблок, пожираю арбузы, пищеварение отменное. Столуемся вместе с сестрами дома. Стол сытный, хороший и дешевый. Долгов уплатил 85 рублей. Ай да я!

Дожди! Холодно! Изредка солнце, радуга.

Прощай! Дорогая, хорошая.

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 25-го августа 1914 г.

(пишу ежедневно!)

Дорогая моя, милая, хорошая Шурочка (всё idem!). Только что сел писать тебе письмо, как приносят мне твое, с лепестками гвоздики. Ты спрашиваешь меня, доволен ли я тобой? Долгим поцелуем отвечаю тебе. А ты все-таки кое-чему у меня научилась, и я горжусь собою и тобой. Продолжай, Шурочка, в том же духе…

А я начинаю киснуть, и нервы начинают трепаться. Как видишь, я тебе опять пишу из Воронежа – мы не поедем и

сегодня, быть может, и совсем не поедем отсюда… Мы стоим на мертвой точке. На нее попал Зайцев, попали теперь и мы. Когда мы вечером вчетвером (Зайцев, Левитский, Никольский – зауряд-врач и я) пошли в белый дом (сборный пункт) узнать, нет ли к вечеру каких-нибудь новостей, то узнали, что только что получена из Москвы телеграмма: запасные госпитали, еще не уехавшие, задержать, немедленно развернуть – будут замещены формируемыми в Москве.

Нас как громом поразило, только Зайцев злорадствовал. Заведующий формированием сейчас же ответил в Москву, что только наш госпиталь в состоянии «развернуться», а другие, оставшиеся здесь, ждут медицинского и интендантского имущества. Так что мы еще не теряем надежды. Может быть, сегодня будет получена телеграмма: свернуться и отправляться! Начинается недостойная комедия: свернуться и развернуться!..

Вы там, в Москве работаете, здесь в Воронеже тоже уже работают частные земские и городские госпитали. А мы: свернуться, развернуться! С тем ли мы приехали сюда? Того ли ждали? Сидеть всё время войны в Воронеже, в жалком (сравнительно с земскими), плохо оборудованном госпитале, далеко от войны! Даже меня начинает разбирать что-то нехорошее! Главный доволен, смеется – трусит ехать на войну. Левитский после первого испуга быстро успокоился. Он выпишет жену и детей, будет недурно. Никольский недоволен, ведь жалованье мы здесь будем получать по-мирному,

120 р., а он рассчитывал на все 150 р.

Сплюнуть хочется! Вот уже целый месяц мы живем здесь в грязи, спим на полу, нюхаем противную махорку, зябнем; вещи все раскиданы, нет элементарного приличия. Если всё это где-нибудь хотя бы в тылу армии, на месте живой нужной работы, то с восторгом мирился бы со всеми неудобствами, но для того, чтобы «свернуться и развернуться», – слуга покорный. Общественные учреждения давно сформировали всё нужное, а мы никак не можем получить ни медицинских предметов, ни еще чего-нибудь. Позор!

Зато как у нас канцелярия поставлена! Сколько бумаги уже ушло, сколько толстых прошнурованных книг исписано! Работа кипит там с утра до вечера! Четыре писца скрипят перьями и пишут, пишут, пишут, а мы просрачиваем, просрачиваем, просрачиваем[44]. Великие события идут мимо нас, мы запоздалые зрители, через головы других стремящиеся кое-что увидеть из того, что творится там, на «театре» военных действий! Эх!..

Сегодня будем выжидать. Если не будет отмены, то придется устраиваться здесь. Переедем в Воронеж, где нам отведут, должно быть, под госпиталь и квартиры гостиницу «Франция». Единственный плюс, что будешь жить в приличной обстановке. Но стоило ли для этого из Москвы переезжать в Воронеж, от неизмеримо лучшего к худшему!?

---

[44] Излюбленное словечко Фр. Оск., позаимствованное из судебной речи А. Ф. Кони.

Французским языком, Шурочка, я последнюю неделю не мог заниматься, не до того было, не было достаточного спокойствия. Нет ничего более деморализующего, как неизвестность!

А сегодня, после последних дождей, как раз чудесная погода: небо синее, тучки пышные белые, солнце яркое, даже как будто бы теплее стало.

А здесь на вокзале какой-то серый мужик ударил высунувшего голову из окна вагона пленного австрийского офицера! А проезжавшие пленные германские офицеры не отдавали честь коменданту станции, за что переведены из II в III класс! Какое общее огрубение нравов, какая дикость!

Как симпатична сегодняшняя перепечатка из английского журнала (№ 194 «Русск[их] ведомостей]») «Цели войны»![45] Насколько выше все-таки культура у англичан! И как недоказательна и бледна статья А. Толстого «Париж»! Почему Макс Вук, немецкий буржуй, должен непременно превратиться в дикого зверя, а французский буржуй, сняв маску, оказывается героем?! Где же тут справедливость, где психология и логика?!

А верно, Шурочка, чудно! Ведь ты мне гвоздики прислала, когда еще не получила моего дубового листка? Какое знаменательное совпадение! Мы думаем об одном и том же!*

---

[45] В английской прессе рассматривался вопрос о территориальных притязаниях стран-участниц войны. При этом отдавалось должное немцам как великой нации и признавалась необходимость сохранения силы Германской империи.

Обо мне, Шурочка, из-за тона этого письма не заботься! Это так, рассуждения и только! Бодрость меня не покинет! Не сумлевайся!

А мы вчера вечером после телеграммы вчетвером пошли в «Бристоль» и выпили с горя! Осетрина холодн[ая], кофе, белое вино, банан.

Очень хорош и IV том писем Чехова, в особенности серьезные письма к Суворину и легкие, непринужденные и веселые – к Мизиновой. Какой легкий стиль! Какая свобода духа и широта кругозора!

Духи, присланные тебе, принимай![46] От чистого сердца! Это не взятка!

Прощай, моя единственная.

Твой Ежка.

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 26-го августа 1914 г.

Дорогая Шурочка!

Теперь, должно быть, пройдет несколько дней без пись-

[46] Вероятно, подарок в благодарность за лечение. В этом отношении Ал. Ив. была очень щепетильна. Например, в письме 6 июля 1915 г. она рассказывала, как по просьбе коллеги ездила в Орехово-Зуево лечить заболевшего ребенка: «Выехала я с поездом в 4:40 дня, была там в 7:20. Через час уже ехала назад и прибыла сюда, в комнату, в 11:30 ночи. Хорошо еще, что было нежарко. Туда ехала – читала газету, оттуда же пришлось дремать, так как при свете огарка читать невозможно. Чтение и дремание прерывались думами о тебе. Предлагали деньги, но я взяла только на дорогу».

ма от тебя. Ты, наверно, уже пишешь в Бар. Я написал сегодня открытку Алекс. Аф. [Морозову], чтобы он там зашел на почту и достал бы письма, если только цензура их пропустила. Я думаю все-таки, Шурочка, что лучше не писать «до востребования», а лучше «Действующая армия, 253 госп[италь]», конечно только тогда, когда мы отсюда уедем. Сюда пиши как раньше.

Не послал я тебе вчера телеграммы, что наш отъезд отменен, потому что мы каждый момент можем получить обратный приказ. Оказывается, что нас здесь осталось не 4, а 6 госпиталей, причем возможно, что в Москве предполагали, что нас здесь уже нет. Сегодня из Москвы снова запрос, какие №№ находятся здесь. Очень возможно, что мы завтра все-таки выступим, только не в Бар, где мы уже не нужны, а к самой австрийской границе или даже в Австрию. Есть указания и на это!

А пока мы сегодня у городской управы требуем помещение в городе для госпиталя, и, если не будет отмены, то завтра или послезавтра развернемся здесь. Как только окончательно выяснится, что мы едем, я тебе пошлю телеграмму: «Едем действующую армию». Туда и адресуй, а пока пиши мне сюда, как раньше. Я попрошу Зайцева переслать мне те письма, которые меня здесь не застанут.

Главный мне ликующе сообщил, что имеется приятная новость. Я думал, что нам ехать. Нет, Боже сохрани, нам прибавили какие-то продовольственные деньги! Около этого во-

проса всё вертится, и это больше всего захватывает! На сегодня он мне дал поручение: во-первых, проверить знание ротных фельдшеров; [во-вторых,] выбрать из команды подходящих санитаров и обучить их, и, в-третьих, вразумить всю команду, чтобы не пила сырой воды и не жрала (pardon) сырых зеленых фруктов. Сегодня у одного объявился кровавый понос. После обеда мы с Левитским этим и займемся. Сегодня тепло, ясно, солнышко даже греет.

Читала официальное сообщение о жестокостях германского населения по отношению к русским? Целый ряд проверенных фактов! Как гнусна везде бывает толпа! Плевки в лицо, удары палками беззащитных людей! Какая гнусность!

Впрочем, я убежден, что не везде толпа бывает таковой. Ни в Швеции, ни в Норвегии, ни в Финляндии это невозможно. И знаешь, Шурочка, почему главным образом там культура более достойная? Потому что почти совершенно запрещен алкоголь! Нет этого разъедающего и деморализирующего его воздействия! И если, Шурочка, у нас последствием войны будет полное его запрещение, то война для России будет великое благо, с избытком искупающее всё настоящее горе!

Как ты думаешь, Шурочка? Ведь и туберкулез, и сифилис тогда не будут уже так страшны, не будет почвы! Появится бодрость и сила северных народов. Тогда только мы будем истинно великим народом! Для меня все-таки Скандинавия во многом образец. И наша, и западная культура во многом

все-таки гнила!

Ничего, Шурочка, что я так элементарно наивно пишу?

Твой Ежик*.

Загар с острова Нагу всё еще на мне держится в тех же резко очерченных пределах!

Наш главный (между прочим, его зовут Петром Петровичем) изрек следующую мудрость: «Знаете ли, хорошо бы обратить внимание команды на то, чтобы они не пили сырого молока, а то, знаете ли, еще у нас разовьется *скарлатина*!». При чем тут скарлатина!? У солдат!?

Привет Вере Михайловне![47]

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 27-го августа 1914 г.

Дорогой Шурок!

Наше положение становится всё глупее и глупее. Вчера наш главный поехал с заведующим формированием в город подыскивать нам помещение. Приехали в городскую управу, а там от городского головы ответ: мы этим теперь не заведуем, обратитесь в губернскую управу. Поехали туда, ответ: мы перестали этим заведовать, обратитесь в земскую управу. Там ответ: обратитесь в эвакуационный комитет, мы ему передали эти функции. А этот пресловутый эвакуационный

[47] В. М. Овчинникова, врач-ассистент Морозовской больницы, подруга Ал. Ив.

комитет состоит из одного капитана и одного поручика, которые, кроме своего назначения на эту должность, не получили ни сведений, ни средств, ни полномочий.

Они должны были бы направлять раненых в пресловутый «предполагаемый эвакуационный госпиталь», одним из главных врачей которого уже назначен Фед. Ал. [Зайцев]. Но его нет, он даже не начал еще формироваться. Вообще о нем сведений никаких, ведь он только «предполагается»! И вот эти два бедных офицера направляют всех в городской и земский комитеты, которые тоже снабжены всем недостаточно, а раненым офицерам дается совет устроиться у родных и знакомых. Беспорядок и неразбериха отчаянные! Пока всё еще сидим и будем сидеть в Троицкой слободе.

А писем от тебя я, должно быть, не получу теперь около недели! Телеграфировать уже не стоит. Боюсь, что письма, адресованные в Бар, ко мне уж не дойдут. Приходится, к сожалению, с этим считаться. Всё же я вчера на всякий случай написал Алекс. Афан-чу.

Зайцев передает со слов раненых офицеров, что отношение полковых врачей на поле битвы безукоризненное, полное самопожертвование, но чем дальше вглубь России, тем хуже отношение. Врачи всюду занимались только флиртом с сестрами милосердия. Они возмущены до глубины души.

А здесь им дают совет ехать домой! В дороге их, раненых и больных, уже в России, иной раз сутки не кормили, и им приходилось просить у сопровождавших их солдат уделить

им щей и хлеба! К станциям их не подвозили, а оставляли где-нибудь на стрелке. Зато пленные австрийцы всегда подвозились к станциям, где их щедро наделяли всевозможными припасами. В особенности местные дамы отличались своей любезностью по отношению к пленным – прямо противно, – а своих забывали. Даже тут на первом плане видимость для заграницы! Ну их!

Гуляли мы вчера за городом в парке Общества садоводства и лесоводства. Чудесные осенние пейзажи, свежий ветер. Желтые и красные листья шуршат, когда ходишь. Почему тебя нет со мной? Поднялись выше в большой фруктовый сад. Видели, как добывался яблочный сок, как готовили пастилу и цукаты. Как вкусно пахло! Купили пастилы и заказали яблок и груш. Сегодня послали солдат. Принесли нам громадный мешок – три меры чудесных фруктов. Мера[48] – 80 коп. В комнате, пока пишу, сильно пахнет свежими яблоками и грушами! Осенний бодрый запах!

Шурочка, хочу к тебе. Почему нельзя? Так глупо, глупо!

Прощай, дорогая.

Твой Е.*

Погода чудесная! Стало опять тепло.

Сегодня опять начну заниматься французским языком.

Муху нас видимо-невидимо. Чехов в своих письмах утверждает, что они воздух очищают, но у нас этого что-то

[48] мера = 1 четверик (4 пуда или 26,2387 л), 1 пуд = 16,38 кг.

не видно. Спать не дают, черти.

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 29-го августа 1914 г.

(Вчера не писал)

Шурочка! Хочу к тебе! Не хочу больше здесь сидеть праздно и без моей Шурочки! Хочу с тобой сидеть, говорить, читать; хочу тебя видеть, осязать; хочу тебя целовать и обнимать! Вот итог целого года!

Ведь скоро, 2-го сентября, будет год, как мы с тобой гуляли в Петровском-Разумовском![49] Как наша кривая? Благополучно поднимается, не правда ли? Лишний вопрос.

Да, Шурочка, вот уже год прошел, и пусть будет еще много таких годов! Все-таки хороший был год, единственный. Все-таки, как говорит Елизавета Адриановна[50], будет чем молодость свою вспоминать. А к тебе, Шурочка, мне последние дни что-то очень уж хочется, тянет. Люди кругом меня стали мне более или менее известны, особенно хорошего я в них не нашел. Есть черты в моих глазах отрицательные, неприятные (лошадиные деньги etc.). Положительного, хорошего, я чувствую, они мне не дадут или дадут мало. Духовной или душевной близости у меня с ними нет и не будет. И вот, как ре-

---

[49] 2 сентября 1913 г. состоялось взаимное признание влюбленных. Этот день стал для них ежегодным семейным праздником.

[50] Е. А. Сионицкая, врач-ассистент Морозовской больницы.

зультат, особенно сильно тянет к Шурочке, моей единственной Шурочке, с которой у меня и духовная, и душевная, и телесная близость, даже больше – слияние! Хочу к тебе, Шурочка! Хочу опять слиться с тобой совсем, совсем, совсем!

И странно кажется, что бывали изредка моменты, когда не было этого полного слияния, когда между нами как будто открывался ров, через который не было мостика? Верно, странно? И верно, Шурочка, у нас этого больше уж не будет? Пускай не будет! Ведь мы с тобой муж и жена! Ух ты, моя женочка…

А у нас луч надежды, что мы все-таки отправимся отсюда, и скоро отправимся. Дело в том, что четырем госпиталям здесь прислано всё недостающее интендантское имущество. Мы готовы и снова сегодня посылаем телеграмму в Москву с извещением об этом. А так как мы здесь не развернулись и нового приказания об этом не получали, то мы весьма сильно надеемся, что завтра будет получен ответ с приказанием уехать отсюда на театр военных действий. Здесь кто-то из назначенных по плану в Гомель получил новый приказ поехать прямо к границе Австрии. Мы тоже надеемся, что нас отправят сразу дальше (т. е. наш главный этого боится!). А пока всё – idem.

Вчера был в городе, проявлял [фотопластинки, сделал несколько покупок. Затем Федор Алекс, потащил в баню, а вечером засадили меня за пульку. Сел я, поверь, без всякой охоты, результат обычный. Впрочем, не думай, что мы часто

играем, после приезда из Москвы первый раз.

Сегодня утром был на вокзале и закупил ряд книг: два тома сборников «Фиорды»[51], три тома Бунина и один том Чирикова[52]. Чехова кончаю, пришлю на днях.

А я без твоих писем уже пять дней. Только бы они не затерялись, хоть поздно, но дошли бы до меня! Я сильно боюсь, что они застрянут в Баре, а, может быть, и туда не дойдут. Ты, Шурочка, непременно, когда отсюда уеду, пиши в действующую армию и на оборотной стороне отметь свой адрес. Если не найдут, то вернут тебе. Прощай, моя единственная Шурочка. Моя хорошая, прощай!

2-го сентября пусть будет у нас праздник*.

Опять холодно, хотя ясно. Главного почти не вижу, не хожу в канцелярию. За полторы недели видел раза три.

Масса яблок и груш. 100 помидор – 11 коп. <…>

* Далее приписки на полях письма.

Воронеж, 30-го августа 1919.

Дорогая Шурочка.

Все-таки пока остаемся в Воронеже. Только что получена телеграмма из Москвы с приказанием немедленно здесь развернуться четырем запасным госпиталям, в том числе и

---

[51] Фиорды. Датские, норвежские, шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен. Сб. 1–2. СПб., 1909; 2-е изд. – 1910.

[52] *Чириков Е. Н.* Собр. соч.: В 17 т. М., 1910–1916.

нашему. Очевидно, нас здесь задержат вплоть до формирования предполагаемых эвакуационных госпиталей! Завтра утром энергично будем себе искать помещение, должно быть, «Францию», а к вечеру начнем перебираться. Если не завтра, то уж непременно послезавтра, на этот раз серьезно. Итак, суждены нам благие порывы! По крайней мере, хоть мать останется довольна, что я вне опасности. Она так надеялась, что я останусь в Воронеже.

Неужели здесь моя работа более нужна, чем была бы в Морозовской больнице!? Как это всё нелепо.

Милая Шурочка, сюрпризом для меня было твое письмо, которое я не ожидал получить так рано. А ты уже четыре письма отправила в Бар? Где же ты успела написать? Бедный я, неужели они затеряются? Напишу еще раз Ал. Аф-чу.

Шурочка, что значит твоя таинственная фраза о том, что мы, может быть, скоро увидимся? Шурочка, что мне это очень, очень хочется, в этом и ты не сомневаешься, но ради Бога не предпринимай никаких поспешных шагов, не посоветовавшись со мной. Прошу тебя, Шурочка. Не надо ради, быть может, мимолетного настоящего расстроить долгое будущее! Возможно, что я тебя неверно понял, но в таком случае не пиши так таинственно с многоточием. Вот как кончим стаж в Морозовской больнице, тогда, Шурочка, нас уже не разлучить так легко, верно? Придет и наше время.

Пишу тебе вечером. Ждем выяснения нашего положения, телеграммы. А сейчас кругом меня сидят, разговарива-

ют, мешают. Болит голова от жирного обеда (прости натурализм). Вот видишь, как мы здесь живем. Во «Франции», должно быть, дадут отдельную комнату. Дай Бог!

Вчера вечером наши от нечего делать опять были в городе, в «Бристоле», ели, пили. Я категорически отказался и в 9 часов лег спать. Вот какое примерное поведение! Сегодня кончил IV том Чехова, занимался печатанием фотографий, завтра пришлю.

Очень доволен, что в «Русских ведомостях» опять стал печататься Гроссман, живший в Берлине и оттуда писавший[53]. Он много лет жил в Германии, знает ее хорошо и будет писать беспристрастно. Но какое и там озлобление – те факты, на которые указывает Кизеветтер[54], конечно, нелепы (не переводить вражеских авторов, сложение ученых званий), но все-таки язык его чересчур резок. Если вдуматься в психологию германцев, привыкших видеть свое отечество великим и видящих неминуемую гибель его не от большей доблести врага, а от его подавляющей численности, от того, что все соединились против двух (даже японцы пользуются!), – то становятся немного понятными и эти нелепости. Каково настроение там, в Германии, об этом дает некоторое понятие последняя телеграмма, хотя и краткая, Гроссмана

---

[53] Сотрудник корпункта «Русских ведомостей» в Берлине Г. А. Гроссман перебрался в Копенгаген, откуда возобновил свои телеграфные сообщения.

[54] Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, публицист, видный деятель кадетской партии.

от 29/VIII[55].

Много нелепостей и дикостей совершается сейчас со всех сторон, такова уж поганая психология войны. К протесту же врачей, если только он будет обоснован фактами, я присоединяюсь горячо! Врач обязан быть прежде всего врачом!..

Воронеж, 31-го августа 1914 г.

Вчера вечером, Шурочка, когда я писал письмо, я никак не ожидал, что пошлю его с оказией. Только что я запечатал и наклеил марку, как входит Фед. Алекс, и сообщает, что сейчас же едет в Москву, не будет ли каких поручений. Вот я ему и отдал письмо вместе с томом Чехова. Завтра всё уже должно быть в твоих руках.

А наш главный – это полное ничтожество. Получил он вместе с другими главными врачами вчера приказ от заведующего формированием подыскать помещение для госпиталя, непременно сегодня утром. Он выражал полное усердие и готовность. А сегодня пришел сюда в канцелярию в 11 часов. Мы думали, что он нам сообщит, куда ехать. Ничуть не бывало. Здесь он заявляет, что это не его дело искать помещение для госпиталя. Это, дескать, дело заведующего формированием!

А между тем другой главный врач утром уже занял лучшее помещение – гостиницу «Франция». За что нас Господь

[55] Г. А. Гроссман сообщал, что агрессивный тон в немецкой прессе и в ученых обществах начал уступать место оборонительному.

наказал таким болваном! А ведь он считает, что он работает: каждый день он сидит в канцелярии и в двадцатый раз переписывает старые приказы. Перепишет, не понравится что-нибудь, снова зачеркнет и т. д. до бесконечности. Даже по канцелярской части он глуп. Левитский говорит, что самых простых счетов он не сразу понимает, соображает плохо – прямо беда. Я к нему в канцелярию не хожу, вижу его случайно и редко, от греха подальше. А на сборном пункте он кричит назойливо громче всех, либеральничает, проходится на счет начальства, острит глупо – одним словом, полное ничтожество.

Выберемся ли мы когда-нибудь из Троицкого при этом милом человеке? Кто его знает. Перестаешь верить. Кажется, что вот еще долго так будет проходить один день за другим без дела, когда дела много, когда работа не ждет. Эх, Шурочка! Нехорошо!

А послезавтра будет год… Как бы мне этот день достойней провести? Целый день буду думать о Шурочке, о том, как хорошо мы с ней устроимся потом, как мы с ней всё будем делать вместе, вместе работать и вместе отдыхать… Это будет, будет, Шурочка! Ты веришь?

А я, если можно будет, пойду после обеда гулять один куда-нибудь за горку, где нет людей, и буду вспоминать!.. <…>

Борису Абрамовичу [Эгизу]я не пишу, потому что хочется ему сообщить что-нибудь положительное, о нашей работе, а между тем мы здесь ничего не делаем, совестно даже

писать «с войны». Передай ему, пожалуйста, мой привет и объясни мое молчание: совестно, дескать.

У нас опять лето, стало тепло, сухо, солнце. Природа ликует, и не вяжется это совсем с теми вестями, которые идут с театра войны: там разрушение, ужас, смерть… Когда читаешь цифры, то не страшно, но рассказы очевидцев по своей простоте и непосредственности весьма убедительны. И французы, и наши наступают. Может быть, к Рождеству конец? Какое бы счастье!

Воронеж, 1-го сентября 1914 г.

Шурочка, я тоже начинаю понимать настроение Вильяма. Я тоже чувствую себя в положении человека, стоящего в грязной луже и обливаемого усердно густой грязью[56].

Передо мной лежит воскресный номер «Русских ведомостей». Я его внимательно прочел. Ряд статей, в которых громко говорится о культуре, прогрессе, человечестве… Первое впечатление как будто бы ничего: в передовице говорится, что мы воюем только с милитаризмом и шовинизмом и что мы хотим победить только для того, чтобы водворить

---

[56] Фр. Оск. обостренно воспринимал всё, что публиковалось в русской печати того времени о немцах. Стараясь подбодрить жениха, Ал. Ив. отвечала в письме 4 сентября: «Я согласна, милый, что газеты теперь вызывают одну горечь, одно страданье, но ты, – слышишь, Ежик, – ты не должен чувствовать себя как Вильям. Все, кто тебя знает и узнает еще, будут относиться [к тебе] всегда хорошо, и я всегда, всегда душой с тобой. А как бы я крепко прижалась к тебе сейчас! Почему нельзя? Зачем эти ограничения кругом? Не могу я больше жить так!»

в Европе прочный мир и обеспечить господство начал права и свободы!

Кизеветтер мямлит что-то: вера в человечество есть наша духовная опора при всех разочарованиях в его отдельных представителях. Письмо в редакцию Фатова[57] доказывает (очевидно, необходимо это доказывать!), что нет искусства, нет науки врагов, а есть наука и искусство единого культурного человечества. Плетнев[58] тоже доказывает, что немецкие фармацевтические препараты бойкотировать не следует (и это надо доказывать!). Всё как будто обстоит благополучно. А если разобраться подробней?

Это из передовицы: <*вклеена вырезка*> «…[германской культуре, – национальное самодовольство, национальную исключительность, узость, стремление к всемирной гегемонии и презрение к праву».

Эти четыре вырезки – статья Игнатова[59]: «…все усилия ума, все успехи науки, всю энергию национальной воли Германия в течение многих лет стремилась перелить в чудовищ-

---

[57] Фатов Николай Николаевич (1887–1963), публицист, литературовед, впоследствии профессор.

[58] Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1871–1941), доктор медицины, профессор Высших женских курсов в Москве и позднее – 1-го МГУ, публицист, кадет, выдающийся врач-терапевт, один из основоположников отечественной кардиологии и организаторов советской медицины, был репрессирован как троцкист, в 1938 г. приговорен к 25 годам заключения, позднее расстрелян.

[59] Игнатов Илья Николаевич (1856–1921), литератор, многолетний сотрудник «Русских ведомостей».

ную пушку, в блиндированный автомобиль с пулеметами, рассылающими смерть, в бомбу, могущую разрушить драгоценности искусства, все мирные приобретения цивилизации», *«…простая встреча и мирная беседа* с немцем казалась *изменой* родине»*. «Но представить себе опять высокомерного юнкера на улицах Парижа, видеть торжество прусской солдатчины, прусского духа было невыносимо: это было бы новое *оскорбление человечества*, новый вызов человечности». «Дух насилия, распространяемый и *поддерживаемый Германией, был оскорблением для всего человечества*»[60].

Это из Кизеветтера: <*вырезки*> «…ввиду разочарования теми передовыми элементами немецкой интеллигенции, которые почитались светочами культуры». «Взрезали нарыв, и вышел гной. И пусть он выходит».[61]

Это Д. Плетнев: <*вырезка*> «Среди общества появляется вполне законное желание бойкота немецких товаров»[62].

Письмо в редакцию Фатова: <*вырезка*> «Там совершаются дела, о которых, казалось, человечество давно забыло: там *новые гунны* разрушили Лувен, там новый Омар уничтожил ценнейшую библиотеку, там сокровища Лувра прячутся в

---

[60] *Игнатов И.* Франция и пруссаки // Русские ведомости. 1914. 31 авг., № 200. С. 2–3.

[61] *Кизеветтер А.* Борьба за культуру // Там же. С. 3.

[62] *Плетнев Д.* Насущный вопрос // Там же. С. 7.

стальные ящики [и закапываются в землю]»[63].

Это из беседы с товарищем министра Таубе[64]: *<вырезки>* «…над этим *возмущением всего цивилизованного мира* против германской вакханалии вооруженного насилия». *«Надругательством* над мирным населением, *попранием* права частной собственности, разрушением без всякой военной надобности памятников культуры и другими грубейшими нарушениями общепризнанного права современной войны, – всеми этими *варварствами Германия поставила себя вне группы цивилизованных стран.* Сравнивая, например, *вандализм* Германии…»[65]

А вот в просвещенной газете сообщение, рассчитанное на глупейшее невежество: *<вырезка>* «Лондон, 30-го августа. “Daily News” печатает рассказ сестры милосердия американского Красного Креста, захваченной в плен германцами в Брюсселе вместе с бельгийским госпиталем и впоследствии отпущенной на свободу. Сестра сообщает, что видела, как в бельгийской деревне пьяные германцы, собрав приблизительно 35 бельгийских детей, развлекались подбрасыванием их на штыки»[66]. Если к этому прибавить вчерашнее сообщение, что германцы отравляли колодцы, то мы недалеко будем

---

[63] *Фатов И.* Искусство врагов (письмо в редакцию) // Там же.

[64] Таубе Михаил Александрович (1868–1962), министр народного просвещения, профессор, юрист.

[65] Хроника. Бар[он] Таубе о германских насилиях // Русские ведомости. 1914. 31 авг., № 200. С. 5.

[66] Западный театр войны. Немецкие жестокости // Там же. С. 4.

от психологии холерных бунтов!

Итак, с одной стороны, красивые слова: культура, прогресс, человечество. С другой стороны, приписывание немцам всего плохого, гнусного, вплоть до явно нелепого; полное нежелание и неумение вдуматься в психологию неприятеля, который знает, что он борется за свое существование против в десять раз более сильного врага. И в-третьих, у себя дома приходится доказывать, что немецкие пьесы ставить можно, что можно изучать даже немецкую науку и покупать немецкие фармацевтические препараты, и что даже принадлежность к еванг[елическо]-реформ[атскому] вероисповеданию еще не делает человека неспособным к подаче помощи раненым (см. письмо в редакцию в том же воскресном номере[67]). Не поздоровится от этакой защиты! Какое презрение, какая ненависть!

Я начинаю верить, что мы, русские подданные немецкой национальности, скоро в России очутимся в положении затравленных. Ведь писала же жена Зайцева, что она видела, как в Москве в трамвае некий тип избил двух немцев за то, что они громко разговаривали на родном языке!

А читай в списках убитых и раненых, – как много там немецких имен и фамилий! Да, нехорошо, Шурочка! Выходит так, что мы сейчас являемся какими-то париями челове-

---

[67] В письме в редакцию сотрудник питательного пункта для раненых на Курском вокзале в Москве пожаловался, что его попросили покинуть пункт из-за его «немецкого» вероисповедания (Там же. С. 7).

ческого рода, от которых надо сторониться, на которых указывают детям: не будьте такими, как они!

В частности, относительно поступка Геккеля[68] и других ученых[69]. Шурочка, я хорошо знаю биографию Геккеля: нет пятна на жизни его. Он ученик Дарвина, всегда горячо ратовавший в Германии за английскую науку; человек, чуждый всякого национального обособления, тем паче шовинизма, всю свою долгую жизнь боровшийся со всякой реакцией, всякой рутиной; непримиримый враг прусского юнкерства и милитаризма, не раз пострадавший за прямоту своих суждений! И это знал Кизеветтер! И если такой человек отказывается от своих иностранных ученых степеней, то нельзя это назвать просто мелким шовинизмом и выставить его у позорного столба. Надо вдуматься в его психологию, надо стараться разобрать, какой душевный переворот мог его заставить решиться на такой поступок. Но Кизеветтер сознательно этого не сделал. Он просто обрушился с бранью и язвительной иронией на седую голову, такого отношения не заслужившую…[70]

---

[68] Геккель Эрнст (1834–1919), крупнейший немецкий естествоиспытатель и философ.

[69] Имеется в виду оправдание ими немецкой агрессии и отказ от ученых степеней воюющих с Германией держав.

[70] Автор статьи выражал изумление поступком «духовных вождей современной Германии», среди которых оказался сам Геккель. «Мы говорим всё это не с чувством злорадства над нашими врагами, а с чувством негодующей обиды за ту культуру, в сокровищницу которой Германия былых времен внесла такие обиль-

Шурочка, только что получил твое письмо от 29/VIII. Ты говоришь, что волна человеконенавистничества как будто отхлынула? Нет, Шурочка, она не отхлынула, наоборот, она медленно захватывает и наши передовые интеллигентные круги, она разливается повсюду и потому менее резко выделяется на общем фоне. Люди сами не замечают, как они постепенно отравляются тем ядом, который широко разлит по всем газетным столбцам и оттуда проникает в массы. Атмосфера сгущается, и надо быть сильным и бодрым, чтобы не дать себя отравить удушливыми миазмами.

Прости несколько лирические выражения, но, правда, они невольно срываются. Тяжело стало жить. Шурочка, ты даже не подозреваешь, какая это поддержка, знать, что есть такой человек, который тебя всегда, всегда поймет**.

Пиши, получаешь ли ты, хотя бы с опозданием, все мои письма? Я твои получаю обычно через день и всегда тебе об этом сообщаю.

* Выделенные в цитатах курсивом слова подчеркнуты Фр. Оск.

** Далее приписка на полях письма.

ные вклады. Что же однако всё это означает? Ведь люди, предводительствуемые Геккелем, не могут быть глупыми людьми. Я вижу в этом проявление одного общего закона морали. Когда умные люди начинают в защиту какого-либо дела говорить глупые речи, – это всегда служит лучшим признаком безнравственности защищаемого ими дела», – писал А. А. Кизеветтер в статье «“Изумительное” решение» (Русские ведомости. 1914. 28 авг., № 197. С. 2).

Воронеж, 2-го сентября 1914 г.

С праздником, Шурочка дорогая моя! С первым нашим юбилеем! Первая годовщина первого поцелуя и первых ласк! Год прошел, и что же? Итог?

Кривая наша продолжает расти и не видать конца ее росту. Много сомнений, бывших вначале, рассеялись; много смутного, туманного стало ясным. Мы, Шурочка, с тобой идем вперед, и нам не страшно оглядываться на пройденный путь. Наоборот, мы в нем почерпнем уверенности в бодрости для будущего, нам еще предстоящего. Будем верить, что дальше будет лучше, будет ясность, будет бодрость, будет вера без сомнений! И с благодарностью будем вспоминать о прошедшем, о всем том хорошем, что дал нам истекший наш первый совместно прожитый год. А хорошего было много!

Стоит ли вспоминать о теневых сторонах, ничтожных в сравнении с тем большим новым, богатым, что внес в нашу жизнь этот год? Об этом не надо вспоминать, это должно стушеваться. Радость, вот основное настроение, которое испытываешь! Верно, Шурочка?

А я с утра решил праздновать. Надел всё чистое, побрился и стал гладким, как огурчик. Днем чувствовал себя именинником, но никто этого не заметил. А когда в 11 час. утра пришла твоя телеграмма, то я вздрогнул и почувствовал уже полный контакт с тобой[71]. Спасибо тебе, Шурочка, большое

[71] Телеграмма, отправленная Ал. Ив. доктору Краузе, сохранилась: «С тобой

спасибо. А тебе, Шура, прислали рано утром цветы (красные розы и гвоздики) от Райбле?[72] Ведь я тоже хотел, чтобы ты непосредственно ощущала контакт со мной, чтобы была как бы непосредственная близость, видимая и осязаемая!

После обеда я тотчас же один пошел гулять, захвативши все написанные моей Шурочкой мне письма. Как хороша сейчас природа: в поле ни души, виден ясный далекий горизонт, свежий бодрящий ветер треплет тебя, воздух чистый, ароматный. А лесочек в лощинке? На темном зеленом фоне уже много светло-желтых и буро-красных деревьев, под ногами шуршат сухие листья… Так хорошо!

Прилег я на травке, вытащил пакет писем и перечитал их все с начала до конца. Какая смена настроений у моей Шурочки! Как она, бедная, мечется, сомневается, страдает! Но всё же, Шурочка, характер последних твоих писем уже другой, всё реже встречаются нотки отчаяния, малодушия. Они изредка еще проскальзывают, но общий тон писем уже иной, чем вначале. Тоска и маловерие уже не застилают совсем взора, всё чаще и чаще звуки бодрые. Ты несколько раз обе-

---

в годовщину дорогих воспоминаний».

[72] Цветы, заказанные Фр. Оск. в известном московском цветочном магазине Г. А. Райбле на Мясницкой ул., д. 24, Ал. Ив. получила. В этот день она написала жениху: «Красные душистые розы – твои розы – стоят у меня на столе. <… > Хороший, красивый, единственный был день год тому назад, но ведь и сегодняшний, милый, не хуже. Тогда только намечались отдельные хрупкие и колеблющиеся нити между нами; теперь они упрочились, умножились, укоротились и привели нас к полному контакту. Ведь так, Ежка! И тебя я хочу благодарить, и судьбу, которая привела меня к встрече с тобой».

щаешь стать другой, совсем другой.

Ты меня спрашиваешь, доволен ли я тобой? О, Шурочка! Как же мне не радоваться, что дух твой становится бодрей, спокойней, что ты начинаешь с большей верой и надеждой смотреть на будущее?[73] Какой это будет праздник, когда совсем исчезнет складочка на твоем лбу, а взор твой будет ясен и жизнерадостен!.. Это будет, будет. Я в это верю!

Почитавши письма, я долго еще стоял в поле и любовался вечерним небом – нежные бледные цвета тихого осеннего заката. Так напоминало закаты на острове Нагу, те счастливые беззаботные, столь далекие сейчас дни!

А знаешь, Шурочка, если бы ты тогда в Петровском-Разумовском, спрыгивая с забора, более удачно попала бы в мои раскрытые объятия, как я это ожидал, то еще там, в пустынном освещенном луной саду, запечатлена была бы наша встреча горячим поцелуем!..

Дорогая, дорогая моя Шурочка, прощай!

Твой Ежик.

Воронеж, 3-го сентября 1914 г.

Шурочка, третий день нет от тебя письма. А почта последнее время была аккуратна. Как бы письма не затерялись! Из

[73] Фр. Оск. постоянно стремился подбодрить Ал. Ив. и вселить в нее веру в будущее. Это удавалось ему лишь с переменным успехом. «Такты веришь, родной мой, в будущее. Ежка, милый! Заставь и меня поверить, заставь гордо смотреть вокруг, а то я чувствую себя виноватой перед больными, перед сестрами и т. п.», – писала Ал. Ив. (12 сентября).

Риги тоже давно уже нет известий. Что делает Лени в Париже?

У нас – idem. Значит, «Францию» мы прозевали, а с тех пор, кроме разговоров, ничего. Послали наши старшие врачи телеграмму в Москву с запросом, как быть. Помещения, дескать, в Воронеже не отводят. Вчера оттуда получен ответ: подождать, пока не будет запрошен Петербург. Вот и ждем. Мы привыкли ждать, это наша обязанность в эту войну, обязанность нелегкая. А во «Францию» вчера уже доставили 250 раненых. Там работают, а мы всё просрачиваем… Сказка про белого бычка.

Вернулся вчера вечером Зайцев из Москвы. Вести от него тоже малоутешительные: канцелярщина, бумагопроизводство. С одной стороны, на одного врача приходится 300 раненых (Булашевич[74]), с другой – 100 человек военных врачей не имеют дела в Москве, даром ходят! С одной стороны, призывают явно больных врачей, с другой – быки по здоровью (некие психиатры), побывав в неких кабинетах, освобождаются от призыва; и плохая организация, и явная недобросовестность. С одной стороны, прибывающих раненых богато наделяют всякими там фруктами и газетами, с другой – этих же раненых по многим дням не перевязывают за недостатком перевязочного материала… Повязка, наложенная на поле сражения, снимается впервые в Москве, в итоге под повязкой гангрена целых конечностей. С одной стороны, сани-

[74] Тарас Евменевич Булашевич, из врачей-ассистентов Морозовской больницы.

тарный поезд по последнему слову науки, есть и электрическое освещение и вентиляция, с другой – хирургические инструменты в этом же поезде, оставшиеся от войны 1878-го года!!! В общем, мало отрадная картина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.